

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсева

« ____ » _____ 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ В
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ**

Выпускник

П.В. Максимова

Научный руководитель

докт. филол. наук, профессор
О.В. Фельде

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1.1. Взаимодействие языка и культуры как фундаментальная проблема теоретической лингвистики	7
1.2. Феномен лингвокультуры и ценностная картина мира как объекты исследования.....	12
1.3. Исследования устных текстов о близких родственниках в русистике: история вопроса.....	20
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	24
ГЛАВА 2. УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ В ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	25
2.1. Аксиологические средства языка и текста	25
2.2. Языковые средства экспликации оценок в рассказах о матери	28
2.3. Языковые средства экспликации оценок в рассказах о бабушке.....	32
2.4. Языковые средства экспликации оценок в рассказах об отце.....	36
2.5. Языковые средства экспликации оценок в рассказах о дедушке.....	40
2.6. Языковые средства экспликации оценок в рассказах о детях	43
2.7. Языковые средства экспликации оценок в рассказах о жене и муже.....	46
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	58
ПРИЛОЖЕНИЕ А	64

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование выполнено на стыке лингвистической аксиологии и коммуникативной диалектологии.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в современной лингвистической науке четко обозначилась тенденция исследования языка и текста в плане реализации языковыми единицами ценностной картины мира этноса и различных субэтнических групп. В связи с этим необходимо изучать лингвокультурные концепты, поскольку это дает полное представление не только о ценностных доминантах лингвокультуры, но и об арсенале оценочных средств языка. При этом важно расширять круг лингвистических источников за счет привлечения устных высказываний, записанных в условиях экспедиций от носителей народных говоров и региолектов. Актуальность темы данной выпускной квалификационной работы обусловлена также необходимостью изучать лингвокультурную специфику диалектной и региолектной речи, а именно особенностей региональной сибирской лингвокультуры.

Основная **цель** исследования заключается в анализе оценочного слоя концептов о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") в ангарской лингвокультуре.

Достижение поставленной цели в работе предполагает последовательное решение следующих **задач**:

- 1) сформировать корпус региональных текстов, содержащих оценочные высказывания о близких родственниках;
- 2) раскрыть понятия лингвокультуры и ценностной картины мира;
- 3) охарактеризовать аксиологические средства языка и текста;
- 4) проанализировать оценочные средства языка в высказываниях ангарцев о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж");

5) выявить типы оценок в высказываниях ангарцев о близких родственниках.

Объектом настоящего исследования является аксиологический слой концептов о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж"), вербализованные в устных текстах и высказываниях жителей Богучанского и Кежемского районов Красноярского края.

В качестве **предмета** исследования выступают оценочные языковые элементы, репрезентирующие концепты о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") в рамках ангарской лингвокультуры.

Источниками исследования послужили устные рассказы и интервью жителей Богучанского (с. Богучаны, пос. Пинчуга, д. Манзя) и Кежемского (с. Яркино) районов в 2017 – 2018 годах о близких родственниках, собранные и расшифрованные в период практики под рук. проф. О.В. Фельде. Кроме того, использован архив диалектологических практик в Богучанском и Кежемском районах Красноярского края, а также некоторые рассказы из "Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья".

Выбор данного материала определяется тем, что устные (неподготовленные) высказывания жителей с Приангарья могут дать богатый материал для восстановления фрагмента целостной картины мира представителей ангарской лингвокультуры. Необходимо отметить, что диалектная речь экспрессивнее и эмоциональнее литературного языка, ввиду существования в живой, устной форме.

Теоретическая значимость работы заключена в том, что результаты, методика и подобранный языковой материал могут служить базой как для дальнейшего анализа особенностей репрезентации о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") в рамках выбранной лингвокультуры, так и для изучения категории оценки в русском языке в целом.

Практическая значимость обусловлена тем, что результаты работы могут быть использованы в лексикографических целях: при создании словарей (лингвострановедческих, народных говоров и др.); к ним можно обращаться при создании спецкурсов по диалектологии русского языка и культурологии, использовать эмпирический материал в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

Методологическую основу исследования составляют труды ученых в области лингвокультурологии [Алефиренко, 2010; Красных, 2002; Карасик, 2002; Степанов, 1997; Маслова 2001], лингвоаксиологии и семантики [Арутюнова, 1999; Вольф, 2002; Лукьянова, 2016].

Выбор методов и приемов исследования обусловлен необходимостью выполнения всех поставленных задач. На этапе сбора эмпирического материала были использованы приемы интервьюирования, аудирования, стенографирования, тематической разметки с последующим сплошным выбором текстов, содержащих оценочные высказывания и мнения о хороших и плохих жёнах. На исследовательском этапе применялись компонентный анализ, интерпретационный анализ, а также лингвостилистический анализ текста и метод лингвистического описания.

При толковании семантики некоторых исследуемых единиц мы обращались к толковым словарям русского языка (Ожегов, Шведова, 2003; Кузнецов, 2000; Словарь русских народных говоров северных районов Красноярского края под редакцией Г.Г.Белоусовой, 1992 и ряд других).

Научная новизна исследования заключается в том, что концепты о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") впервые описываются на материале устной речи жителей Северного Приангарья. В результате анализа языкового материала описаны оценочные средства русского национального языка, репрезентирующие представления о близких родственниках в рамках ангарской лингвокультуры.

Цели и задачи исследования определили его **структуру**. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения. Во введении обосновывается актуальность проведенного исследования, формулируются его цели, задачи, указываются источники фактического материала, методология, теоретическая база, а также практическая значимость настоящей работы. В первой главе излагается теоретическая концепция и характеризуется понятийно-терминологический аппарат работы, касающиеся понятия лингвокультуры, а также оценочности (категории оценки) в языке. Вторая глава работы отводится анализу концептов о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") в рамках конкретной (региональной) лингвокультуры. В заключении сформулированы выводы относительно проведенного анализа.

Список литературы включает 70 источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Взаимодействие языка и культуры как фундаментальная проблема теоретической лингвистики

Прежде, чем рассмотреть феномен лингвокультуры, необходимо остановиться на фундаментальных понятиях языка и культуры.

Язык – одно из сложнейших явлений человеческого общества, которое следует рассматривать с разных сторон, чтобы раскрыть самую его сущность. В.А. Маслова дает такое определение термину: "Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д." [Маслова, 2001:]. Язык составляет немаловажную часть культуры.

В настоящее время у слова "культура" существует большое количество значений. Культура характеризует жизнедеятельность личности и её духовную сферу, а также общества, представляя при этом бытие человека как способ. Культура раскрывается через предметные результаты деятельности или жизни: особенности поведения, знания, навыки, уровень интеллекта, способности, в том числе и через языковые формы общения с другими людьми, символы, знаки и другое. Сторонниками данного мнения являются многие исследователи [Алефиренко, 2010; Гумбольдт, 1984; Лосев, 1992; Потенция, 2000; Сепир 1993 и др.].

Свой вклад о "культуре" вносит П.С. Гуревич: "культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Каждый исследователь обращает внимание на одну из ее сторон. Кроме того, культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи,

историки, антропологи... Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами" [Гуревич, 2008]. Культура способна охватить всевозможную деятельность человека, затрагивая духовные и материальные части почти в каждом языке.

В.М. Межуев считает: "Но культура – все же способ организации деятельности, а не только сама деятельность. Это значит, что она представляет собой и способ выражения человека, или, как мы говорили выше, культура – явление человека. Это значит, что человек хоть и находится в единстве с нею, но все же не растворен в ней среди массы предметов. <...> Действительным содержанием культуры оказывается развитие самого человека как общественного человека, развитие его творческих сил, отношений, потребностей, способностей, форм общения и т.д." [Межуев, 1987].

Исследователи стремятся прийти к оптимальному определению термина "культура", и для лингвокультурологии наиболее близкими являются подразумевающие под собой систему духовных ценностей. Обращаясь к концепции Н.Ф. Алефиренко, определения можно распределить на основные группы:

- 1) описательные (перечисление того, что охватывает понятие культуры);
- 2) исторические (процессы социального наследования и традиций из прошедших эпох в настоящее время; культура как результат исторического развития);
- 3) нормативные определения (образ жизни и представление об идеалах и ценностях)
- 4) психологические определения (адаптация к среде, формирование привычек, образцы данной культуры)
- 5) структурные определения (реакции или результаты, передающиеся наследственно);
- 6) генетические определения (продукт или артефакт; идеи, нематериальное содержание; символизация; нечто, происходящее из того, что не есть культура).

В рамках же лингвистической науки под "культурой" принято иметь ввиду сферы жизни, представляющие собой результат, процесс, деятельность, отношения, норму или способ жизни. В интеграции культуры подчеркивается роль духовных ценностей такими теоретиками как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. А. Сорокин, М. Вебер и др.

Идея о соотношении языка и культуры берет начало ещё в работах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Э.Сепира: «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир, 1993]. В настоящее время данная идея активно развивается в рамках этнолингвистики и лингвокультурологии.

Язык – это живое явление, которое существует неразрывно с человеком и обществом, изменяется и развивается вместе с ними, выступая некоторым социальным фактом. К.Д. Ушинский определяет язык как главное средство сохранения этноса и одну из основных форм отражения национального самосознания. По Гумбольдту язык представляет под собой феномен человеческой культуры (материальная и духовная), где выражается и национальный характер: "Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык - не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением <...> Вместе с родным языком мы воспринимаем как бы частичку нашей самости" [Гумбольдт, 1984].

Тарасов же отмечает включение языка в культуру, как "тело знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в

человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте" [Тарасов, 1994].

Современный исследователь В.А. Маслова отмечает, что "язык и культура, будучи семиотическими системами, имеют много общего: культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; культура и язык существуют в диалоге между собой; субъект культуры и языка - это всегда индивид или социум, личность или общество" [Маслова, 2001]. Человек же понимается как носитель определенной национальности, ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности [Маслова, 1991].

Следовательно, прослеживается связь языка и культуры в: 1) коммуникативных процессах; 2) антогенезе (формировании языковых способностей человека); 3) филогенезе (формировании родового общественного человека). Различаются эти две сущности следующим: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура – знаковая система (подобно языку), но она не способна самоорганизовываться [Лосев, 1992]. Таким образом, язык не может существовать вне каждого человека, он именно находится в сознании и памяти, в нас самих, меняясь в след социально-культурным ролям.

Другие исследователи также являются сторонниками этого мнения:

Язык – составная, наследованная часть культуры, который является основным её инструментом. Язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка. Концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка [Кубрякова, 1995]. "Важная роль отводится социокультурному опыту и знаниям, играющим первостепенное значение в когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта как носителя знаний об определенном языке, социуме и культуре, поскольку отдельное слово репрезентирует лишь часть концептуальных характеристик, значимых для

коммуникации, и «найти в языке нечто вне семиотического пространства или же вне культуры кажется неправомочным <...> в языке нет ни единиц, ни категорий, не маркированных культурологически" [Кубрякова, 2007].

"Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания" [Жинкин, 1998].

В.В. Красных вслед за исследователями (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Я. Ассман, В.Н. Телия и другими) понимает под термином "культура": "ненаследственная память коллектива как некоторое пространство общей памяти, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы, как некоторое «знание», которое регулирует деятельность человека, управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах, включая общество в целом, и наконец – как мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой. При этом культура и человек находятся в двунаправленных субъектно-объектных отношениях: они являются одновременно и субъектом (творцом), и объектом (творением) друг друга" [Красных, 2013].

О языке исследователь пишет, что "язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается. <...> Язык является одним из важнейших средств идентификации человека" [Красных, 2013].

Исследования формируют разные точки зрения о формировании картины мира при влиянии языка. Язык, ментальность (мышление), культура тесно взаимодействуют друг с другом. Мир человека возможно представить в трех формах: реальный мир или объективная действительность, культурная картина мира и языковая картина мира. Культурная картина мира обширнее и вербализуется именно в языке, так как слово не только несёт в себе название,

а включает в себя специфическую реальность, которая является уникальной только для данной культуры.

1.2 Феномен лингвокультуры и ценностная картина мира как объекты исследования

Как уже отмечено в 1 параграфе, язык и культура тесно взаимосвязаны друг с другом. Основным доказательством является наличие такого феномена, как лингвокультура, область которой сосредоточена в "язык - культура" и воплощается в идеях языковой и концептуальной картин мира, а также национальных лингвокультур.

Н.Ф. Алефиренко писал, что в языковых знаках "овеществляется троякого рода обобщенная информация: предметно-номинативная, оценочно-модальная и социально-регулятивная. Знаково-символические системы переводят содержание социально-исторического опыта человечества в индивидуально-личностный план, а наш личный опыт – в общественный, способствуют контролю личности над своими чувствами, мыслями, поступками и служат формированию личности, воспроизводству субъекта культуры" [Алефиренко, 2010].

Лингвокультура, с точки зрения различных аспектов изучения культуры и языка, является совокупностью массива информации культуры, получившего объективацию в языке. В рамках этого подхода в качестве элемента лингвокультуры предлагается понятие - средство речевой деятельности.

Под лингвокультурой следует понимать, как третью семиотическую систему, выступающую важной частью в любой этнокультуре, в которой различные знаки языка выступают как тела знаков культуры, по мнению В.Н. Телия [Телия, 1996].

Одной из актуальных задач отечественной лингвокультурологии является выявление особенностей таких феноменов, как лингвокультура, языковая картина мира и ценностная картина мира.

Единицами лингвокультуры являются лингвокультурные концепты, аксиологические концепты, культурные коннотативы, а также тексты разных жанров, эксплицирующие лингвокультурные концепты.

По мнению В.В. Красных, лингвокультура – "есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык" [Красных, 2013]. Лингвокультура предстает как культура оязыковленная, овнешненная и закрепленная в знаках языка и явленная нам в языковых процессах "именно в данном, только что представленном понимании. Так видится онтология лингвокультуры. И, следовательно, если речь идет об «экологии» языка, то лингвокультура, несомненно, заслуживает того, чтобы ее включили в круг изучаемых и транслируемых по цепочке поколений феноменов, наряду с языком и культурой" [Красных, 2013]. "Лингвокультура является лингвокогнитивным феноменом <...>, формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки" [Красных, 2012].

Важным в лингвокультурологии объектом определяют лингвокультуры, как определенные взаимосвязанные типы культуры и языка. Лингвокультуру можно считать совокупность как текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих самосознание и этнокультуру, так и феноменов, продуктов культуры, объективированных в языке. Лингвокультурологическому анализу подвергается либо целостная лингвокультура, либо ее фрагмент – отдельная лингвокультурная область внутри некоторого лингвокультурного типа, обладающая смысловой обособленностью. Непосредственным предметом лингвокультурологии может стать некоторая часть лингвокультуры или лингвокультурной области, имеющая специфические характеристики и свойства.

Проблема взаимоотношения культуры мышления и языка представляется в рамках о взаимосвязи концептуальной и языковой картины мира, также была исследована в многих трудах [Апресян, 1995; Арутюнова, 1999; Демьянков, 1992; Кубрякова, 2004; Потеев, 1999; Рахилина, 2010; Серебренников, 2010; Шмелев, 2002; Шмелев и др., 2005].

В связи с антропоцентрической тенденцией в языкознании, заключающейся во взаимосвязи и взаимном влиянии языка и мышления, в методике сложилось понимание необходимости учёта лингвокультурного сознания. В рамках антропоцентрического подхода было выдвинуто одно из фундаментальных понятий современной лингвистики – языковая картина мира.

Идеи о внутренней форме языка возникли благодаря В. фон Гумбольдта, гипотезы лингвистической относительности, согласно которой языком определяется логика мышления, разработаны этнолингвистами, в частности Э. Сепиром и Б. Уорфом. В. фон Гумбольдт одним из первых обратил внимание на национальное содержание языка и мышления: "различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия" [Гумбольдт, 1985]. Э. Сепир (1993) и Б. Уорф (1960) подчеркивали взаимосвязь представления человека о мире и его принадлежности к любой из социальных групп, а также подчеркивали иллюзорность представления "о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации" [Сепир, 1993].

Одной из актуальных задач отечественной лингвокультурологии является выявление особенностей таких феноменов, как лингвокультура, языковая картина мира и ценностная картина мира.

По мнению исследователей, лингвокультура выполняет несколько функций: конгломерирующую, т.е. объединяет «своих»; дифференцирующую, которая позволяет отграничивать «своих» от «чужих» и «других»; легитимирующую, придающую определённому феномену статус признанного

или достойного, оправдывающую или утверждающую его необходимость; идентифицирующую, которая устанавливает принадлежность кого-то или чего-то к тому или иному сообществу, группе [Красных, 2012].

"Изучение единиц и особенностей той или иной лингвокультуры – прямой путь к постижению внутреннего мира человека, а также процессов переживания и осмысления окружающей действительности представителями различных этнических, субэтнических и этносоциальных сообществ" [Фельде, 2019].

Понятие "лингвокультура" для нас представляется как особый когнитивно-коммуникативный феномен, который отражается в результате устных текстах разных жанров духовной и материальной культуры того или иного этноса, субэтнической или социальной группы. Следовательно, под ангарской лингвокультурой понимаем "русскую культуру, отражённую в региональном языковом сознании и вербализованную в устных и письменных ангарских текстах" [Смирнов, 2017].

Отечественные лингвисты выделяют две разновидности лингвокультуры: национальную и региональную. Национальная лингвокультура содержит, в первую очередь, концепты, которые связаны с языком и культурой тех, кто проживает на одной и той же территории с самого рождения и имеет близкие родственные/дружеские связи с представителями этой территории. О национальной "привязке" концептов академик Ю.С. Степанов пишет следующее: "у концепта есть «родной дух», запечатлённый привычным и любимым образом мысли и часто каким-нибудь одним человеком в одном каком-нибудь месте, где так говорят, так слушают, так смотрят" [Степанов, 2007]. Выделяют также региональную лингвокультуру, которая стала объектом научных исследований только в последние годы.

Можно выделить несколько различий этих феноменов: 1) в территориальном охвате, где специфика национальной лингвокультуры, её ключевые концепты присущи социуму, проживающему на той или иной территории, а специфика региональной лингвокультуры чаще проявляется на

ограниченной естественными или искусственными преградами территории, где проживает ограниченное количество человек; 2) концепты, являющиеся ключевыми в одной из региональных лингвокультур могут не являться ключевыми для всех остальных представителей национальной лингвокультуры. Региональная лингвокультура может отражать те же концепты, что выделяются и в национальной лингвокультуре, однако часть из них будет обладать специфическими, регионально окрашенными оценочными признаками.

"Региональная лингвокультура тесно связана с понятием «малой» родины, когда людям одной национальности или проживающим на конкретной территории присущи не только общие понятия, ценности, национальные стереотипы и тип мышления, но и местные (локальные) особенности, формирующиеся под воздействием региональной культуры и своего «особого» языка (диалекта, наречия)" [Смирнов, 2017].

Подчеркнем, что региональная лингвокультура не всегда представляет собой закрытое пространство, в котором коренное население определенной территории долгое время не имеет никаких контактов с внешним миром. Даже если человек долгое время находится вдали от своей «малой» родины, то на глубоко подсознательном уровне сохраняются культурные связи с ней.

"Региональная лингвокультура – это целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, детерминированный национальными культурными кодами и субкодами (антропоморфным, биоморфным, теологическим, мифологическим, бытовым, промысловым и др.), а также пространственными координатами, ценностными доминантами и социальным опытом локального сообщества. Региональная лингвокультура также, как и общенациональная, является неоднородной" [Фельде, 2019].

Понятие лингвокультуры не следует отождествлять с понятиями языковой картины мира и ценностной картины мира.

В научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира» Л. Вайсгербер ввел в научную терминологическую систему "выделив ее следующие основные характеристики: единство духовных и языковых аспектов содержания; обусловленность историческим развитием этноса и языка; структурированность и многоуровневость; изменчивость во времени и подверженность развитию; способность передаваться последующим поколениям через особое мировоззрение и образ жизни, запечатленные средствами языка; функционирование в качестве общекультурного достояния" [Searle; цит. по: Каменская, 2015].

Д. Ю. Апресян под языковой картиной мира понимает "отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка" [Апресян, 1995].

Другой исследователь, Н.Н. Болдырев, под языковой картиной мира представляет "определенную интерпретацию мира и знаний о мире в когнитивной системе человека" [Болдырев, 2014].

Лингвокультура от языковой картины мира отличается тем, что при её изучении "акцент смещается – и это смещение принципиально важно – с языка, описывающего образы, на образы, описываемые в языке. Или, другими словами: с означающего – на означаемое <...> на пространстве лингвокультуры язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают культуросносные смыслы, образы культуры, сама культура" [Красных, 2013].

Под "языковой картиной мира" следует понимать совокупность представлений о мире, которая исторически сложилась в обыденном сознании определённого языкового коллектива и отразилась в языке [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2002]. Основной единицей языковой картины мира любого этноса является концепт. Отметим, что языковая картина мира включает в себя знания этноса (что и составляют системы концептов), того или

иною общества, о предметах окружающей действительности, знания и представления о внешнем и внутреннем мире.

По мнению отечественных учёных, языковая картина мира выполняет следующие основные функции: интерпретативную, которая обеспечивает видение мира; регулятивную, которая выступает ориентиром человека в окружающем его мире; номинативная; экспликативная; идентификативная и др. [Гончарова, 2012].

В словах и выражениях, которые присущи представителям того или иного этноса, заключено представление об их собственном мире, отражена их культура: "Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке" [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005]. В связи с этим идеи, содержащиеся в словах родного языка, воспринимаются говорящими как что-то собой разумеющееся и непререкаемое.

А. Д. Шмелев, пишет о концепте, что: "Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживаетея с этими представлениями" [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005].

Люди воспринимают действительность, организуют ее в понятия и распределяют значения определенным образом, так как являются участниками некоего соглашения, которое имеет силу лишь для этого языка. Для характеристики языковой картины мира ученые обращались к определению концептов присущих культуре народа. Д.С. Лихачев выдвинул понятие концептосферы, которое определял как совокупность культурных концептов в языке [Лихачев, 1999].

Лингвокультурный концепт является ключевой единицей современной лингвокультурологии. Согласно исследованиям В.И. Карасика, жизненный опыт в коллективном и индивидуальном сознании систематизируется в соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира. Язык при этом исполняет роль концентрата информации.

Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание. Единицами лингвокультурного кода являются концепты [Карасик 2010].

Лингвистическая теория концептов активно разрабатывается в современной науке о языке. Можно сказать, что в ней получает развитие теория семантики и семантических полей. В рамках этой теории реализуются два важнейших направления – лингвокогнитивное и лингвокультурологическое. С точки зрения лингвокогнитивного подхода выявляются способы языкового представления переживаемого опыта, в рамках второго направления в поле зрения исследователей оказывается этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления такого опыта. Изучение лингвокультурных концептов направлено на выявление характеристик языкового освоения действительности. Концепт представляет собой квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуальноличностные и культурно-групповые смыслы [Степанов, 1997] и включающий понятийное, образное и ценностное измерения [Карасик, 2002]. Для исследования конкретной культуры целесообразно выделить важнейшие ее концепты, которые составляют ядро и отражают определенный способ восприятия и отношения к явлениям окружающей действительности [Степанов, 1997]. Конечной целью таких исследований должно стать систематическое представление о порядке мироздания глазами представителей лингвокультуры, составление полной когнитивной картины мира.

Лингвокультурологические исследования невозможно представить без обращения к другой разновидности картины мира - ценностной. Ценностная картина мира отражает ценности, присущие тому или иному народу. В.И. Карасик, анализируя ценности народа, представленные в языке, говорит о том, что ценностная картина мира является моделью осмысления ценностей

в том или ином языке [Карасик, 2002]. Наиболее точное значение приводит С.Н. Виноградов, который определяет ценность как: "идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей" [Виноградов, 1997]. А также следует отметить, что "человек каждой культуры, каждого культурноисторического типа живёт своей своеобразной системой ценностей <...>. Эти системы ценностей могут быть подобны, даже тождественны, но очень во многом они будут и различны кардинально" [Васильев, 2013]. Единицами ценностной картины мира являются аксиологические концепты, оценочные средства языка и «кодексы» [Карасик, 2002], которые представляют собой систему взаимосвязанных суждений нравственно-этического характера. Ценностная картина мира выполняет базовые аксиологическую и адаптивную функции.

1.3 Исследования устных текстов о близких родственниках в русистике: история вопроса

В продолжении параграфа 1.2 отметим, что методика лингвокультурной ситуации в настоящее время является эффективным способом исследования взаимодействия языков и культур – значимой проблемы современной филологии. Лингвокультурная ситуация исследуется на материале текстов, в ней выделяются лингвокультурные универсалии, лингвокультурные детали и культурно-тематические поля [Шаклеин, 1997].

Можно сказать, что почти каждое слово отвлеченной семантики может стать концептом. Условием для этого является смысловой объем слова, который определяется своеобразием какой-либо культуры. Сам концепт, а также слова, образы, идеалы включают в себя лингвокультурную информацию (представления об историческом времени, его культуре, жизни людей и их проблемах).

А. Вежбицкая выделяет три основных концепта русской культуры: тоска, судьба, воля. В «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанов представляет следующие базовые концепты: вечное, вечность, мир, огонь и вода, хлеб, ремесло, слово, вера, любовь, радость, воля, правда и истина, знание, наука, число, счёт, письмо, алфавит, закон, Русь, Россия, русские, россияне, человек, личность, душа, интеллигенция, совесть, деньги, бизнес, страх, грусть, печаль, дом, уют, язык. По мнению Ю.С. Степанова, всякое описание концепта следует начинать с изучения этимологической истории его знака.

Такую работу в отношении концепта "семья" осуществила Е.В. Добровольская, сделавшая в результате вывод о том, что лексема "семья" возникает уже в постиндоевропейский период в результате социальной эволюции и называет социальную ячейку, которая объединяет в своем содержании понятия родовой общины (рода) и дома, отличаясь от первого индивидуальностью, а от второго - социально-экономической независимостью [Добровольская, 2005].

Лингвокультурный концепт «семья» включает в себя следующие единицы: основной концепт семья, его ближайшее окружение: семейство, фамилия, гнездо, домашние, домочадцы, близкие, а также термины родства и свойства: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, бабушка, прабабушка, прапрабабушка, внук, внучка, правнук, правнучка, свёкор, свекровь, тесть, теща, зять, сноха, невестка, золовка, шурин, деверь и др. [Занегина, 2009]. Термины родства как устойчивая лексикосемантическая группа становились предметом исследования в работах многих ученых: О.Н. Трубачева, А.И. Моисеева, Н.В. Юдиной и др. Обычная для общества нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей, в русской лингвокультуре тесно вплетена в систему родственных отношений между представителями нескольких поколений и ветвей родственников, связанных кровным родством. Вот почему субстантивы родные, близкие, домочадцы, домашние принято употреблять во множественном числе.

Самойлова Г.С. и Комышкова А.Д в своей статье "Мысль семейная в русской языковой картине мира: история ценностного отношения к семье по данным русского языка" центральной идеей в определении семьи в современном русском языке ставят идею духовной близости людей, тесных эмоциональных отношений [Самойлова, Комышкова, 2016].

Существуют большое количество работ отечественных лингвистов на базе национальной лингвокультуры с использованием языкового материала иностранных языков, а также работы с целью выявления содержания концептов о близких, семье и др. и выводами о сходствах и различиях языкового сознания носителей разноязычных культур. Представлены исследования культурной и языковой специфики концептов, проведенные с целью определения основных культуроспецифичных составляющих содержания. Также особое значение представляют роли, деятельности, национальным показателям, определяющими культуру и традиции, обычаи, менталитет языкового сознания, свойственные близким родственникам через призму развивающейся когнитивной теории.

Большинство исследователей в своих работах используют один или два "семейных" концепта, например: "Исследование концепта «Дедушка/Бабушка», представленных ФЕ русского, английского и французского языков позволяет нам выявить: а) концептуальные сходства и различия, свидетельствующие об общности процессов создания образных единиц в разных языках и б) сходство подхода к интерпретации всё более растущей потребности использования языка как средства не только и просто коммуникации, но и познания мира, в котором живут и мыслят представители языкового сообщества" [Аль Хатиб, 2017]. Или в другой работе "Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах" Т.В. Борисенко: "По нашему мнению, мать и отец являются одними из главных концептов, формирующих систему семейных ценностей человека" [Борисенко, 2020].

Также посвящены разные статьи, например, в работе Р.Р. Измайловой "Концепт «бабушка» в русской языковой картине мира" [Измайлова, 2017].

В статье рассматривается концепт бабушка через изучение словарных статей лингвистических словарей, «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья». И.И. Карелова пишет: "Культурный концепт «мать» занимает конструктивно важное место в национальной концептосфере наряду с такими, как «семья» и «родина»" [Карелова, 2008].

Центральной идеей в определении семьи в современном русском языке является идея духовной близости людей, тесных эмоциональных отношений. Для русской лингвокультуры характерна ценность контактов с близкими родственникам. Слово "семья" активно употребляется в переносном значении для выражения оценочных смыслов. По-другому складывается история значений терминов родства, входящих в тематическую группу "семья".

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Таким образом, можно сделать некоторые выводы относительно того, на чем базируется теория лингвокультуры. Язык, речь, мышление и культура представляются как взаимодействующие феномены. Более того, они способны оказывать друг на друга определенное влияние.

Лингвокультуру можно считать совокупностью как текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих самосознание и этнокультуру, так и феноменов, продуктов культуры, объективированных в языке. Важным для характеристики лингвокультуры является анализ аксиологических слоев лингвокультурных концептов, поскольку в них наиболее полно отражается специфика лингвокультуры.

Под языковой картиной мира понимаются способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

В лингвокультуре акцент смещается с означающего – на означаемое. На пространстве лингвокультуры язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают культуросносные смыслы, образы культуры, сама культура.

Лингвокультурологические исследования невозможно представить без обращения к ценностной картине мира, которая отражает ценности, присущие тому или иному народу. Общечеловеческой ценностью является семья, кровное родство. Для русской национальной и региональной ценностной картины мира характерна высокая оценка духовной близости и тесных эмоциональных связей между людьми. Одной из базовых ценностей русской лингвокультуры является семья.

ГЛАВА 2. УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ В ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящей главе работы нами рассматриваются особенности и экспликации оценки в устных рассказах старожилов Северного Приангарья о близких родственниках. В качестве источников, как уже отмечалось, служат материалы, собранные в результате прохождения учебной диалектологической практики и фольклорной практики. На этих практиках записывались монологические рассказы и диалоги о родственниках информанта.

К исследованию привлекаются тексты, в которых репрезентуются концепты "мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети" и "жена" и "муж". Прежде чем приступить к анализу особенностей оценочных слоев этих концептов необходимо рассмотреть аксиологические средства языка.

2.1. Аксиологические средства языка и текста

Понятие оценки имеет в своем основании философскую теорию ценностей, благодаря чему категория оценки является универсальной, а речевая ситуация оценки – типовой (что требует использования определенного круга языковых средств для экспликации оценочного компонента).

Любой из социумов характеризуется своей системой ценностей, соответствующей его интересам и потребностям. Данная "совокупность ценностей, находящихся в относительно постоянном и взаимно обусловленном отношении друг к другу" [Кочеров, 2006] именуется аксиологемой.

По способу объективации ценностного смысла можно выделить следующие виды аксиологем:

- Аксиологема-слово (истина, патриотизм, жизнедеятельность);

- Аксиологема-словосочетание: (качество жизни, ответственность человечества);
- Аксиологема-формульное высказывание [Курилова, 2013].

Лингвисты отмечают тот факт, что аксиологемы эксплицируются на всех языковых уровнях: словообразовательном, лексическом, синтаксическом; в выражении оценки участвуют лексемы и морфемы, словосочетания и предложения, а также элементы контекста, способные передать ценностное отношение. Следует также отметить, что оценочностью обладают и такие языковые единицы, как средства выразительности. За пределами текста оценка выражается, в первую очередь, интонационно.

Интонационные средства выражения оценки подразумевают под собой изменения частотных, динамических и временных компонентов речевого сигнала, с помощью которых передаются определенные значения, поэтому одно и то же предложение при разной интонации может полностью изменять свой смысл. Традиционно компонентами интонации считают: частоту основного тона, интенсивность, длительность или темп, паузы, темп и ритм [Панасенко, 1985].

Говоря о словообразовательных средствах, возьмем в качестве примера выражение академика В.В. Виноградова, который отмечал, что в русском языке имеется множество уменьшительно-ласкательных суффиксов (например, -ок-/-ёк-, -ик-, -чик- и др.), содержащих в себе семантику оценки. С помощью данных суффиксов выражаются такие оттенки экспрессии как сочувствие, любовь, ирония, пренебрежение, злоб и другие [Виноградов, 1986].

Основным уровнем экспликации оценки, по мнению большинства ученых, является лексический. В качестве средств выражения на данном уровне рассматриваются существительные, прилагательные (частнооценочные, общеоценочные), глаголы и наречия, которые не только обладают грамматическими, лексическими и предметными значениями, но и выражают оценку [Виноградов, 1986].

В число используемых синтаксических средств выражения оценки следует отнести инверсию, лексический повтор, синтаксический параллелизм, риторический вопрос, анафору, эллипсис, парцелляцию, а также вводные слова. Е.М. Вольф говорит о том, что «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» [Вольф, 2002]. Таким образом, как справедливо заметил А.П. Сковородников, "именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли" [Сковородников, 1981].

Говоря о типе оценки, мы руководствуемся классификацией Н. Д. Арутюновой, согласно которой кроме деления на положительную и отрицательную оценку (общеоценочные значения), выделяются следующие группы частнооценочных значений: сенсорные, сублимированные и рационалистические. В первую группу входят:

- сенсорно-вкусовые или гедонистические оценки;
- психологические, среди которых различаются: интеллектуальные («интересный», «увлекательный», «банальный») и эмоциональные («радостный», «желанный», «приятный»).

Вторая группа включает в себя сублимированные, или абсолютные, оценки:

- эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорных и психологических («красивый», «прекрасный»);
- этические оценки, подразумевающие нормы («моральный», «добрый», «порочный»).

К третьей группе относятся рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека:

- утилитарные («полезный», «вредный»);
 - нормативные («правильный», «нормальный», «здоровый»);
 - телеологические («эффективный», «удачный», «негодный»)
- [Арутюнова, 1998].

Исходя из вышесказанного, категория оценки эксплицируется на

различных языковых уровнях: словообразовательном, лексическом, синтаксическом и выражается разнообразными средствами. По типу оценки могут быть сенсорными, сублимированными и рационалистическими с соответствующими делениями на подтипы. По своей природе оценка связана с человеческим сознанием и его интерпретирующей функцией, что позволяет сделать вывод о манифестации через оценочные компоненты ценностных ориентиров как отдельного человека, так и жителей Северного Приангарья в целом. Отметим также, что оценочность является одной из характерных особенностей неподготовленной устной речи.

2.2 Языковые средства экспликации оценок в рассказах о матери

Концепт "мать" – это не только один из фундаментальных концептов в любой лингвокультуре, но и базовая категория человеческого бытия, культуры, социума в целом. Само по себе материнство несет в себе яркие символические значения и включает в себя различные традиции, обычаи, верования, нравственные устои, характерные для каждой культуры.

Языковые репрезентативы концепта "мать" отбираются из рассказов, воспоминаний информантов: о детстве, родителях, собственном воспитании, личном опыте, наблюдений и других.

Анализ рассказов ангарцев позволил нам установить следующие черты характера матери: трудолюбие, любовь к рукоделию и забота о детях. В этих качествах отражаются основные ценностные ориентиры ангарцев военного и послевоенного времени, когда мать не могла выполнять свою основную роль в семье, а отдавала большую часть времени труду.

Мы изучили выражение оценки в рассказах о матери на трех уровнях: словообразовательном, лексическом и синтаксическом. Исследование словообразовательного уровня выражения оценки в избранных для анализа текстах о матери, позволило нам установить, что данный уровень представлен

в рассказах незначительно, маркированные словообразовательные элементы нами не обнаружены.

В рассмотренных нами текстах положительная оценка матери зачастую выражается имплицитно в контекстах о трудолюбии, чрезмерной занятости матери на работе: *А мама, маме когда было нам читать. Не-ет. Мы, как сказать, росли в молодости, в работе считай* (Бг.: Богучаны, 2017); *Мать всё трудилась, рожала нас. У нас было два брата, потом ещё я, помню зыбочку, качалки-то эти, значит, качалки-то были, ну, такая... Берёзовую жёрдушку срубят, берёзовую, наверное, в потолке там прикрепят её, и вот она качает, амортизирует эта качалка. <...> Мать со скотом, там же надо было свой скот держать. Корову-то обязательно держали, потом ещё работала она на лесозаводе там* (Бг.: Невонка, 2014). Отметим, что несмотря на занятость матери, дети относились к такому образу жизни с пониманием, знали, что по-другому быть не может, старались помочь, поддержать: *Да мы даже росли вот, я не знаю, всё помогали, всё родителям делали, всё было на нас как бы расписано, разделано на всех всё.* (Кеж.: Яркино, 2018).

Нередко оценка данного качества выражается путем использования лексических повторов («работяшая», «отработат», «стирала»): – *Мама у нас така была работяшая, и в колхозе отработат день, а ночь идёт в ясли, там полы моет, и стирала. А стирала, речки же не было там в Мунтуле, болото большое было, там большая лЫвина така вот, её выкапывали, чтоб глубже была, вроде бы как колодец не колодец. Она вот там постират, это, сельское всё там и туда идёт. Это всё зимой полошет, всё. У нас речки не было, колодцы были. Вот придёшь к колодцу, ещё очередь, да, а как. Раньше же поливали с ведёрка, натаскашь в бочки деревянные, на коромысле, два ведра, так дешо третье в руках несёшь, выкачивашь. Жисть-то така была, ничего, так сказать, но дружно жили, вот, что вот этим вот хорошо, что жили дружно* (Бг.: Богучаны, 2017). Обратим внимание на многообразие глаголов («постират», «полошет», «натаскашь», «выкачивашь»), с помощью

которых подчеркивается нелегкая доля матери, тяжелый труд, который необходимо было выполнять каждый день.

Во всех лингвокультурах, в том числе и в старожильской лингвокультуре Северного Приангарья положительно оценивается роль матери как главного воспитателя детей. Однако наши примеры свидетельствуют о том, что многим матерям некогда было уделять внимание своим детям, и этот факт не оценивается отрицательно: *Бросали нас, да и всё. В окно ждем, кричим: «Мама, то холодно!» Печку же маленьким как топить? Не разрешали. Это уже где четыре года я могла уже печку растопить, а в два-то года... Убегут на работу, оставят, а мы в окно лепимся, в замороженное: не двойные же окна, одинарные. И кричим. Мама бежит с работы, а тетя Нина: «Ребятишки кричат!» А она говорит: «Ребачей кожи нет на огороде, дождутся – куда деваются!» Чё сделаешь? Некому с нами сидеть! Родители его в Каменке, и мать, и отец... (Бг.: Пинчуга, 2017); *А у нас было... нас, как говорится, не били, ничо... Но мама сказала, что сказала, – это должно быть сделано. И не то, чтобы не сделать, или что... В первую очередь, мама уходит на работу, еще оставит: «Вот это, вот это должно быть сделано». Я ж постарше, мне приходилось и квáшню заводить, муку сеять... Мама придет с работы, чтобы она могла утром для нас постряпать... Воды натаскать, вода-то с речки, сейчас это колодцы да всё, а тогда вот, с Ангары бегаешь, носишь: и поливать надо наносить, и всё... (Бг.: Пинчуга, 2017).**

Воспитание матерью детей в тяжелых для жизни условиях оценивается рассказчиками как поступок самоотверженный: *Конечно, тяжело было [маме во время войны]. Ну, корову держали, свиней держали, картошку садили. Как-то она нас всё равно всех вырастила, всех вырастила. <...> У меня сестры были, у нас только сводный брат был Витя. А то нас было четыре сестры. Ну, тут тоже вот, ну, я, Надя, это... Мы работали, а Мария была, Зиночка была, те были маленькие, ну, в садик ходили. Дома-то оставлять как? Мать работала же. Чем они, ну, когда побольше стали, тоже стали также в*

колхозе, хлеб пололи, картошку, или там свиней. Там свиней-то там держали много в колхозе-то, много-много. Ну, там свеклу, ну, ходили, пололи, вырывали там. Все работали. Не знали жизнь без топоров, жили. Не голодовали так. Мать всё равно то-то сварит, то-то сварит. У нас своя корова-то уже – всё поддержка, да поросёночек, хоть он не жирный, но... (Бг.: Артюгино, 2014).

В данном тексте мы видим сочувствие рассказчика, которое выражается через наречие «тяжело». Путем использования повторов «*всех вырастила*», «*то-то сварит*», информант объясняет, что тяжелые условия жизни не помешали матери уделять внимание своим детям. Здесь отметим также и риторический вопрос «*Дома-то оставлять как?*», который в этом контексте акцентирует внимание на неизбежности такого уклада жизни, ведь мать все свое время отдавала работе, чтобы обеспечить детей.

В рассказах-воспоминаниях о матерях появляются положительные оценки, описывающие мать как хозяйственную женщину, умелицу, рукодельницу, например: *Мама сама у нас, она рукодельница была, она и шали вязала, и шарфы, и всё, и носки и всё. Мы обвязаны, конечно, были. Свои овцы были, коровы, всё своё было.* (Бг.: Богучаны, 2017); *Мы жили-то раньше дома всё же. Вот эти ухваты в печку садить. Вот эти, мама пряла по вечерам постоянно сидела, шерсть вот эту терЕбит кучками, помню. Сядет вечером, прЕдут.* (Кеж.: Яркино, 2018).

Суммируя все вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что аксиологический слой концепта «мать» представлен преимущественно лексическими средствами (коннотативами «рукодельница» и др.). На морфологическом уровне оценка эксплицируется оценочными прилагательными («работящая», на синтаксическом – риторическими вопросами («*А мама, маме когда было нам читать?*»). В рассмотренных текстах мы не встретили ни одного примера отрицательной оценки концепта «мать». Анализ средств выражения оценочного слоя концепта «мать» позволяет нам сделать вывод о том, что в рассказах преобладает нормативный тип оценки, когда информант говорит о трудолюбии матери, встречается

также имплицитный тип оценки в тех рассказах, где повествуется о тяжелой жизни матери, которой некогда было заниматься своими детьми.

В оценочных рассказах о матери часто речь идет о негласных правилах семейного уклада, о необходимости помогать маме, выполнять работу по дому, следить за младшими братьями и сестрами.

2.3 Языковые средства экспликации оценок в рассказах о бабушке

Исследование особенностей концепта "бабушка" в лингвокультуре Северного Приангарья позволяет нам выделить следующие особенности оценочного слоя данного концепта. Положительно оцениваются такие черты характера, присущие представительницам старшего поколения, как мудрость, ласковость, доброта, строгость.

Языковые репрезентативы концепта "бабушки" часто отбираются из воспоминаний о детстве («бабушка всегда говорила», «шли к маме советоваться») или из поучительных рассказов самих информантов («воспитывались все у нас») и других.

Анализ аксиологического слоя концепта «бабушка» позволил выявить оценочные лексемы с аффиксами –ул-, -ушк-, которые передают ласковое отношение информанта к бабушке и свидетельствуют о том, что он безусловно положительно её оценивает: *У меня есть икона – Богородица. Она от бабушки досталась, бабушке уже было 96 лет, и отдала мне вот эту икону. <...> Отдала мне как внучке, она меня любила. А вторую икону, вторая икона Николая Чудотворца, она в таком же кладезе, она отдала младшей дочери. Почему-то мне отдала Богородицу, а ей отдала ту икону. А бабуле от матери досталось, потому что мать тоже по детям <отдала иконы>. Их было четыре сестры, бабушка и ещё три сестры. И она всем по иконам отдавала перед смертью. Вот и бабушке тоже дала* (Бг.: Богучаны, 2017). Здесь отмечаем суффикс -ул-, который образует ласкательное значение, передающее трепетное отношение к бабушке, выражающее любовь.

Имплицитно отражается оценка концепта «бабушка» через фразу «она меня любила», что также характеризует взаимоотношения между внучкой и бабушкой.

Нам встретился рассказ, в котором аксиологический слой концепта выражается через контекст: ... *а внучка-то приезжат всегда ко мне, с ребятишечкам. Внучка хорошая у меня, дай Бог здоровья, пускай живёт. Девочка в третий класс пошла, отличница, хорошо учится. А тому четвёртый годок, подойдёт вот так меня: «Баба люблю!» Я говорю: «И чё это?» – «Баба люблю». Ага. Пенсию получаю - имя отдаю, не всю, конечно, но даю им. Ребятишечкам-то надо то, да другое взять. Вот так што* (Бг.: Богучаны, 2017). Здесь отмечаем суффикс субъективной оценки -ишечк-, с помощью которого образуется уменьшительно-ласкательное слово «ребятишечки», используемое в беседе о правнуках. Говоря о внучке, рассказчица употребляет частнооценочное прилагательное «хорошая» и фразеологическую единицу «дай Бог здоровья», что формирует образ заботливой, любящей бабушки.

Оценочный компонент концепта выражается и в следующих примерах: *Бабушка у нас была ласковая, все говорила, Ах, ты моя молёна! – Да, это значит «ты моя хорошая» или что-то вот такое. «Кишки ты мои», да «бабины печёнки», да всяко-то: «Ох, ты бабины печёнки, кишки бабины».* (Кеж.: Яркино, 2018). В данном примере перед нами предстают традиционные ангарские обращения к любимым внукам, краткое прилагательное «молёна» (образованное от прилагательного «молёный, молённый», то есть «благословенный, данный богом (о родственнике)» [Филин, Сороколетов, 1982]), а также словосочетания «бабины печёнки» и «кишки бабины», которые означают высшую степень любви ко внуку / внучке, репрезентируемую через сему «то, без чего не выжить».

Продолжая говорить об экспликации оценки лексическими и синтаксическими средствами, приведем следующий пример: *А у меня баба моя, моя баба, мамина мать – сто семь лет жила! Она всё всех старше была*

в деревне. И вот ей девяносто лет было, и вот она ростом с меня, только худенька, вот наподобие вас, такая шустрая была. Девяносто лет было, а она всё с серпом уходила, вязала, серпом жала, вязала, ходила (Кеж.: Козинск, 2018). Отметим здесь лексический повтор «баба моя», «вязала», «ходила», а также лексема «шустрая» с помощью которых воссоздается образ никогда не сидящей на месте бабушки; выражается нормативный тип оценки. Встречается также оценочное прилагательное «худенька» с суффиксом –еньк-, придающим слову уменьшительно-ласкательный характер.

Приведем в качестве примера еще один текст с лексическими повторами, через которые выражается мудрость бабушки, а также уникальные знания в разных сферах жизни: *Председатель приедет колхоза, он говорит, Яков Васильевич Усольцев: – Ну-ка, Варвара Васильевна, давай, поехали урожай нады нам знать, где какой урожай убирать, какой там. Давай, поехали! <...> всё знала, всё знала! Все лекарства, все травы знала! Придешь в амбар, жила с нами-та... Ой, отца, уже папу в армию взяли-то. Придешь в амбар, унеси траву: – Баба, как это так, вот это от чего? Она рассказывает: – Это от ушибов, это кровотечения, это от головы, это... Все травы знала! Неграмотной была, а все травы знала. Все люди ходили к ней, всё спрашивали: – Баба Варвара, ну-ка скажи, как лячить. – Кто ногу ушибут – вот там трава, сил красные головки, кровохлёбка. Вот, берите и прилаживайте, она быстро сойдёт, быстро заживёт у вас. Вот всё к ней ходили, спрашивали её. Сядут, рассказывают старинку нам, мы слушаем сидим, ой. И как-то весело было, девки работали так* (Кеж.: Козинск, 2018). Отметим здесь повторяющиеся глаголы «знала», который передают интеллектуальный тип оценки. Накопленными за жизнь опытом, знаниями бабушка делится не только с внуками, но и со всеми людьми. Рассказчицей подчеркивается и то, что время с бабушкой проводили весело.

Встречаются и такие тексты, в которых положительно оцениваются трудолюбие, заботливость и строгость бабушки: *Мы остались, бабушка была по хозяйству дома, всё время, она и на рыбалку ходи... ездила, неводили,*

и дома, чтобы мы нигде не спорились, не утонули за нами приглядывала. А мама всё время на работе. Бабушка у нас была очень суровый человек. Очень суровой была, но мы благодарны тем, что мы не утонули, ничё не сожгли... без разрешения мы в огород не ходили: – Баба, мы сходим в огород, морковку сорвём. – Вырвите. Только маленьку-то вырвите, так обратно-то не запикивайте её. А то ишо возьмем, вырвем, она маленькая – мы её обратно запикиам, как будто бы она вырастет. Вот. Огурец: – Баба, сорвём огурец? – Сорвите. Так маленький зародыш-то не обрывайте. А мы думам, что мы маленький огурчик возьмем, так это... А надо уже, брат-то полноценный. <...> А когда мама стала работать на мельнице, мы к ней уходили, суббота. Я уже училась потом. Придём: – Баба, чё делать? – Значит, надо в стайке вычистить, воды натаскать и дров наколоть. Натаскать, это всё, всё это надо. Домашню работу бабушке помочь сделать (Бг.: Иркинеево, 2017). В этом отрывке видим прилагательное с наречием меры и степени «очень», которое акцентирует внимание на строгости бабушки, тем не менее, внуки благодарны ей за такую суровость, так как такое воспитание помогло избежать неприятных инцидентов. Здесь на текстовом уровне выражается педагогическая мудрость бабушки, которая стремится вырастить ответственных и трудолюбивых внуков и сама берет ответственность за их жизнь и здоровье.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что аксиологический слой концепта «бабушка» репрезентируется словообразовательными, морфологическими и лексическими средствами языка. Среди средств выражения оценки наиболее часто встречаются уменьшительно-ласкательные суффиксы, лексический повтор, оценочные прилагательные. В рассказах мы встречаем исключительно положительную оценку образа бабушки. В рассказах преобладают нормативный и эмоционально-психологический вид оценки (оценивается характер бабушки, ее умения, атмосфера в доме, которую создавала бабушка).

2.4 Языковые средства экспликации оценок в рассказах об отце

Одним из центральных концептов мира «родных людей» в лингвокультуре Северного Приангарья является концепт «отец». На протяжении многих веков образ отца ассоциировался с образом человека-семьянина, следующего семейным законам, традициям, долгу. Согласно представлениям об отце-идеале, он должен был быть строг в воспитании, справедлив, мудр, но при этом также и милосерден по отношению к детям. В качестве примеров, избранных для анализа концепта «отец», нами были взяты рассказы как непосредственно о родителях рассказчиков.

На первом этапе анализа нам удалось выявить основные черты характера, присущие среднестатистическому отцу ангарца, среди которых доминирующими являются две: трудолюбие и способность обеспечить семью, а также суровость в воспитании детей. Примечательно, что во всех текстах, которые мы проанализировали, редко встречаются упоминания о других чертах характера отца. Эти черты оцениваются положительно.

Зачастую концепт «отец» воссоздается из воспоминаний повествователя абсолютно безоценочно, мы наблюдаем за тем, как рассказчик просто повествует нам о детстве и воспитании, при этом не оценивая действия отца положительно или отрицательно, воспринимая их как должное: *[Как Вас воспитывали? – Собир.] – А меня отец один раз полупил. Обоих с сестрой. В школу надо было идти, а мы всё, это, соримся с сестрой-то. А он смотрел, смотрел, берёт ремень – меня раза два-три хлестанул, потом на сестру перешёл. Вот, и пошли, заплакали. [Вас воспитывали, чтобы Вы были трудолюбивым человеком? – Собир.]. – Ну, конечно. Без этого никак. Не хулиганили, не воровали там (Бг.: Пинчуга, 2017).*

Приведем пример, в котором дается положительная нормативная оценка характера отца и насильственных методов воспитания: *В детстве нас как воспитывали... Воспитывали хорошо! Но отец у нас очень строгий был. Попробуй-ка привяжи вот, к воротам своего жениха, он тя сразу выгонит!*

*Или назАвтре сядим, за стол, он ложкой меня уже по лбу ударит, раньше ложки-то были деревянные. Он ложкой ударит, что я стояла... Ну, я была уже взрослая, мне тогда уж можно было. Ну, мы потом его бояться стали. Не стали этого делать... Стали как-то стороной. Успявали, кода он пьяный был (Кеж.: Недокура, 2018). Здесь оценка рассказчиком действий отца проявляется через глаголы с оценочным компонентом в семантике (выгонит, ударит, бояться и т.д.). Используется наречие «хорошо», которое характеризует суровые методы воспитания. Для традиционных культур было типичным требовательное и суровое отношение к детям; считалось, что это помогает воспитывать выносливость и силу духа, а также почитание старших. Далее в текстах мы еще нередко встретим упоминания об особенностях телесного наказания, которое, несмотря ни на что, воспринимается ангарцами как правильное поведение, способствующее воспитанию благоразумной личности: *Мой отец был охотник, рыбак. [А характер у него какой был? Как таких детей воспитал трудолюбивых, как вы? – Собир.] – Ну, по-моему, тут не только воспитать, она сама жизнь такая была, что без работы никуда. Вот сейчас, вот честно вам говорю, бить ребятишек нельзя. Мы в детстве все были пОкасть, если балуешься, то пОкасть. Бывает, до того натворим: со старшего начинают до младшего, и всяк никакой обиды, наоборот, благодарность, что лупил. Заслуживали, ещё, наоборот, говорили: "Мало лупил, мало". [Чем лупил: верёвками или вожжами? – Собир.]. – А всяко, чего попадёт (Кеж.: Яркино, 2018).**

Отец в традиционной ангарской семье является самым авторитетным, его действия оцениваются не только с точки зрения здравого смысла, но и с религиозной: *Мы тоже так воспитаны. У нас отец, мать, хотя он не прав, он сказал, мать делает всегда, как отец. По Библии оно так и делается, за мужем. Муж у нас во всей деревне: муж - глава семьи. Правильно сказал, часто молодёжь уже не так... Так а раньше муж - глава семьи, хоть правильно, хоть не правильно он сказал жене, всё она должна исполнить (Кеж.: Яркино, 2018).* Здесь же встречаем повторы, способствующие

усилению данного признака, что объясняется желанием рассказчика подчеркнуть лидерские позиции отца в семье.

В следующем тексте оценочный слой концепта эксплицируется как повторами, так и прилагательным в сочетании с наречием меры и степени «очень». Заметим, что на уровне синтаксиса оценка выражается также через градацию от «очень суровый» до «строгий до ужаса»: *Ну, ремнём, я считаю, что это не воспитание, ремнём. Всё равно надо как-то разговаривать, надо убеждать, надо пример показывать там. Я считаю, что так надо. Ну, что это? Я, например, воспитывалась: отец у нас был суровый очень, мне приходилось даже из дому уходить, очень суровый был, строгий до ужаса. Он приходил с работы, пойдёт, значит... Всё у нас блесело, намыли, всё чистили. Он придёт, платочек возьмёт и что-нибудь вытрет. Вот там пыльно, значит, нас наказывают, ремнём бил. И, значит... Ну, в угол он нас никогда не ставил, но ремнём бил, кричал. Мама убежала... Я всегда старшая в семье была, я заступалась всегда за маму, ну, мне доставалось побольше всех, вот. Умер давно, в 69 году. Ну, может... Я не считаю, что он такой был, может, это война его сделала, кто его знает... Ведь психика у всех нарушена была (Бг.: Пинчуга, 2017). Этот фрагмент интересен нам также тем, что в нем автор оправдывает избранную отцом модель поведения, его действия.*

Реже, но, тем не менее, встречаются тексты, в которых мы видим эксплицированную на поверхностном уровне смысловой структуры текста положительную оценку: *У нас отец, если был трудолюбивым, ну она была как за каменной стеной за ним. Она знала: нас семь человек в семье было, ну мы всегда и одевались хорошо. Он даже в Москву ездил за одеждой, привезёт там костюмы, всё. Ну обычно как: костюмы к школе, я во второй класс, всё купили тебе, ты год его <носишь>. Пришел со школы, ты его... как это уже уважение, всё повесил, другую одежду надеёшь, чтобы не замарать там ничё (Кеж.: Яркино, 2018). Здесь мы видим и частнооценочное прилагательное «трудолюбивый», которое сразу становится одним из*

главных акцентов концепта «отец»; положительная оценка модели поведения отца рассказчика выражается также через сравнение «как за каменной стеной», что подтверждает тот факт, что отец был еще и хорошим мужем, способным обеспечить спокойную жизнь супруге. Отметим, что щедрость и самоотверженность отца поощряются детьми, вызывают уважение.

Представим также пример исключительно положительной оценки концепта «отец»: *Отец хороший у меня был, очень хороший. Кого это, отца-то хочешь? (показывает фотографии) Отец мой, отец, видишь, какой был высокий, стройный, а это брат его. У меня примерно отец, дак он охотник был, на рыбалку-то как-то не очень, а охотник-то был, охотник. Зимой и летом добывал. Это уж к Троице, ведь она летом, ведь она вот...была, ага. Он поедет и всех соседей, тому кусок, тому кусок. Сохат наш ведь, сохатый какой! Стягну одно так тошно только. Все соседи были сыты, они и уважали его. <...> Хороший дедушка был у меня, отец (Бг.: Богучаны, 2017). Мы видим здесь качественное прилагательный «хороший», которое повторяется с наречием «очень хороший». В контексте используется оценочное прилагательное «высокий, строгий», которые положительно оценивают внешность отца (сенсорная эстетическая оценка).*

Анализ рассмотренных примеров также позволяет сделать вывод о том, что оценочный слой концепта «отец» выражается со словами с положительной коннотацией, передается нормативный, психологический и реже эстетический тип оценки. Это обусловлено христианской традицией почитать строгого отца, которое получило распространение в традиционной культуре ангарцев.

Рассказы об отце включают положительную оценку его трудолюбия, способности обеспечить семью пропитанием, а также требовательности к детям.

2.5 Языковые средства экспликации оценок в рассказах о дедушке

Рассказы о представителе старшего поколения в семье отмечены положительной оценкой. Оцениваются основные черты характера дедушки: доброта, жалостливость, трудолюбие.

Рассмотрим примеры таких текстов: *Он был вообще добрейшей души человек. И вот, ну, вот когда он ещё мог, когда выходил, у нас перед домом была такая большая лужайка, и на ней рос спорыш, вот такая травка. <...> Вот дед наш на лавочке сидит под окном, а мы вот баба Сана, баба Сана мы, её звали Александра, мы её звали баба Сана. Она вот там рассадит нас, и начала: «Кукушка через поле...», там что, дальше не помню, но какие-то игры вот такие вот играли они с нами. Деда нашего любили не только мы, его вообще все любили. Мне кажется, я даже больше такого человека в жизни не встречала – какой он был, такой могучий, старик, красивый, большой, высокий. Вот эта вот седая борода, трубка... (Бг.: Манзя, 2017).* В данном тексте на первый план выходит фразеологический оборот («добрейший души человек»), включающее прилагательное в превосходной степени. Этот фразеологизм характеризует дедушку как человека доброго, щедрого, открытого. Оценочное значение – «самый добрый из всех». В данном случае выражен этический тип оценки, который часто встречается в ангарских текстах о дедушке. В этом же контексте используются оценочные прилагательные «красивый», «большой», «высокий», которые эксплицируют эстетическую оценку. Говорящий словно подчеркивает гармонию между внутренним миром и внешностью деда, при этом на первый план выходит оценка его душевных качеств.

В следующем примере мы видим выражение оценки таких качеств как доброта и заботливость дедушки: *У нас, дедка, помню был, дедушка Кондраха был у нас, если, я меньше была, мама уйдут, ему накажут. Заходит тут, а в школу же ... дни были, морозы стоят за пятьдесят, стукаца: - Чаво, дома? Я с кровати говорю: «Дома». - Шпи, молёна, шпи, молёна, сегодня выходной.*

- Чаво? - Трясуча на улицы-то стоит, не в школу. Всё – я спать. Мама с папой придёт: «А ты чё не в школе?». - Дедушка приходил сказал трясуча. - Он наврёт, чтобы я спала: «Мне жалко её будить, пусть спит». - Трясуча на улицы, гыт, стоит, спи молёна (Кеж.: Яркино, 2018). В этом же тексте видим диалектное обращение «молёна» (см. параграф 2.3), произносимое дедушкой, что характеризует его как любящего, заботливого человека. Оценка концепта выражается также через фразу самого дедушки «Мне жалко её будить»: разговорное наречие «жалко» здесь раскрывает жалостливый характер дедушки, которому жаль отправлять внуку в школу в мороз.

Положительная оценка в оценочном слое концепта «дедушка» выражается через многочисленные лексические повторы, которые подчеркивают его трудолюбие и неравнодушие: Дед работал, дед работал, значит, и ассенизатором работал. Он не гнушался никакой работой. И ассенизатором работал, и конюхом работал, но конюхом он не захотел работать. Я помню, что он говорил, что он сильно переживал за то, что грубо обращались с лошадьми, так сказать (Мт.: Мотыгино, 2017).

Положительно оцениваются навыки и умения дедушки: – Ну, вот у меня дедушка, он тоже с конями всё. Ну, раньше как было вот это: сеяли, пахали, всё ведь на конях это было. Ну, вот, уедут на эту... и вот всю весну там живут, были же эти, ну, станки назывались, станок. Ну, избы построенные. Вот на стане они. [– Получается, что Ваш дедушка ухаживал за конями? – Собир.]. – Ну, конями. Он всем, он всё умел: и по дереву, и печки клал. И печки вот эти, сейчас ещё полдеревни печек осталось евонных, он в восьмидесятом помер, и ещё вот стоят печки эти (Бг.: Пинчуга, 2017). Здесь опыт дедушки отмечается выражением «всё умел». Встречаем также такой стилистический прием как эпистрофа, который в данном случае сосредотачивает внимание слушателя на этих самых печках («...и печки клал. И печки вот эти...»). Не можем не заметить, что существительное «печки» здесь многократно повторяется информантом, вероятно, для подчеркивания его мастерства печника.

Приведём еще один репрезентативный пример, в котором отражаются и трудолюбие дедушки, и заботливость по отношению к внукам: *Помню хорошо, я ж небольшая была, дедушка, мама, и они бегут. Там сестра её жила, тоже там с нами. Бегут. А деда хорошо, там жил в деревне, он в лесу всё знал. Он охотник хороший и лес этот знал, как не знаю кто. <...> Ну, продукта у нас была, потому что деда был охотник. Сохатых добывал, рыбу добывал. Садили в огороде, вот. А хлеба, ребята, не было. Всё сдавали в этот, в колхоз. <...> А деда у нас ещё был председатель. Вот в колхозе был председатель. Никого мужиков-то не было. А он грамоты не знает. Его научили писать печатными буквами фамилию. Он пишет печатными буквами. Интересный такой, ага. А он хорошо деревню-то знал, всё, вот. Ну, вот так вот. Вот так вот мы жили. Нам принесли пайку, помню, принесли пайку. А не хватат и не хватат хлеба. Охота поисть-то. Хочется ребёнку-то, ага. <...> Принесли мне отдельно эту пайку 200 граммов. Сели есть все за стол, ага. Дали мне же кусочек: – Раздели его на столько-то, столько-то раз. А я съела. Это, смотрю, это они уже рассказывали: - Сидишь, и у тебя слёзы потекли. Ага, потом дедушка заругался, это самое: – Ешь, родимая, ешь, родимая! Всё съедай! И вот и съела кусочек (Кеж.: Недокура, 2018). В этом тексте мы видим ласковое наименование «деда», которое употребляет рассказчица по отношению к своему дедушке. Путем использования общеоценочного прилагательного «хороший» подчеркивается владение дедушкой ремеслом охотника, при описании которого мы встречаем синтаксический параллелизм «Сохатых добывал, рыбу добывал». Положительная оценка дедушки передается и через словосочетание «интересный такой».*

Таким образом, анализ аксиологического слоя концепта «дедушка» показал, что оценка здесь выражается морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами языка. В качестве средств экспликации оценки наиболее часто встречаются оценочные прилагательные, лексические повторы. В рассмотренных примерах нами не было встречено ни одного текста

с отрицательной оценкой дедушки. Это говорит о том, что данный концепт является важным для ценностной картины мира ангарцев. Избранные для анализа тексты позволяют сделать вывод о том, что оценке подвергаются такие свойства как доброта, равнодушие и трудолюбие. В рассмотренных рассказах преобладают этическая и нормативная типы оценок, чаще всего информант рассказывает о положительных чертах характера дедушки (доброжелательности, равнодушие, заботливость).

2.6 Языковые средства экспликации оценок в рассказах о детях

Языковые репрезентативы концепта «дети» отбираются из рассказов, воспоминаний информантов о собственных детях и их детстве, их воспитании, о личном опыте, наблюдений и других.

Характеризуя детей, рассказчики выделяют такие положительные качества как: стремление помочь родителям, любовь к труду, отсутствие вредных привычек, послушание.

Начнем анализ со взаимоотношений с детьми, где высказывания представляют собой некоторые поучения, подразумевающие под собой «то, что не следует делать и что следует», «как надо» («ты с ним беседуй», «не кричи», «внимание надо», «поласковее», «уважать мнение» и др.): *Мне кажется, воспитание – это вся жизнь твоя с ребёнком. Ты не говори, что ты устала, ты не думай, что там тебе некогда, ты думаешь, что он к тебе обратился, ты его пихнула туда, ты с ним беседуй. Ты ему рассказывай! Он что-то натворил там нехорошее, ты его не ругай там и не шлёнай его, как говорится, или чо ли... Не кричи! Ты поговори: «Ты вот это плохо, вот это плохо, смотри»... <...> Я говорю: «Вы тоже чё кричите-то? Вы говорите спокойно, ласково! От крика чё он там? Ну, вздрогнет, у него всё вообще улетело, не знаю, куда! Тут надо именно любовь и ласка!» <...> Вот, почему это не так, ты сделай так: «А вот давай, мы попробуем! А вот давай вместе! Вот, видишь, как у тебя хорошо!». Пусть, там нехорошо получилось или чо,*

но ты похвали, что хорошо, он еще будет лучше! Вот так давай: «Я тебе еще что-нибудь помогу, во, как хорошо!» <...> Внимание надо и ласка! Любовь, ласка..." (Бг.: Пинчуга, 2017). В данном тексте оценивается «народная педагогика», модель воспитания. Спокойное, терпеливое отношение к детям оценивается как «правильное».

Говоря о хорошем, правильном внутрисемейном укладе рассказчики употребляют наречия с положительным оценочным компонентом в семантике, например, «дружно», когда же речь идет об обратном, употребляется такое наречие как «дико»: *Ну, мы и дружно между собой живём.* <...> *А есть, которые семьи там, брат с сестрой или мать с сыном не разговаривают. Я не знаю, для меня это дико. Вот они на дню по двадцать раз прибегут чай попить. Счас вот старший токо ушёл, прибежал. Да, если в день не прибежали уже, я думаю, случилось чё-то не идут".* (Кеж.: Яркино, 2018).

Переходя от анализа рекомендаций по воспитанию ребенка к оценочным средствам при рассказе о самом ребенке, обратим внимание на следующий пример: *У меня вот Олеся старшая, средняя дочка, и вот Таня, соседка напротив. Они тоже у нас такие молодчинки. Я не знаю. У меня дочь такая чистоплюйка, ой!* <...> *Она всё лучше меня промывает, всё вытрет.* <...> *Они тоже у нас вот, ну такую, физическую они, конечно, не на покосах нигде они не были, но вот так тока по дому. Также молодцы девчонки. Да и ребята у нас тоже в семье. Никто их не заставлял они сами у нас тоже* (Кеж.: Яркино, 2018). Оценочный слой субконцептов «дочь», «сын» (входят в структуру концепта «дети») здесь эксплицируется лексическими средствами, а именно коннотативами «молодчинка» и «молодцы». Употребление в рассказе разговорных существительных демонстрирует нам положительную оценку родителем своего ребенка, в данном случае речь идет о трудолюбии, желании помочь. Разговорное существительное-коннотатив «чистоплюйка», которое изначально употребляется в значении «человек, чистоплотный до брезгливости» с пометой пренебрежительно, неодобрительно [Ожегов, 2003],

в данном случае выражает положительную оценку чистоплотности дочери, что мы видим из контекста.

Нередко оценка в устных рассказах о детях выражается имплицитно, например, в следующем примере мы не встречаем средств экспликации оценки, но, тем не менее, можем сделать вывод о том, что мать гордится своими детьми, считает, что вырастила достойных людей: *Они все по десять классов у меня кончили. Даже в школу никогда не вызвали, что они плохо себя вели. Не курили, не пили. Два сына у меня. Один тут, 60 лет ему исполнилось, трое детей, три внука уже тоже. В школу, когда ходил, понятия не имела, чтобы он где-то закурил. Восемь классов кончил, хотел уйти на работу. Я ни разу понятия не имела, чтобы за детей меня ругали* (Бг.: Таёжный, 2017).

При анализе лексического уровня выражения оценки нам встретились некоторые случаи употребления языковых единиц, являющихся стилистически маркированными, например, слово «клуша», характеризующее ребенка с отрицательной стороны (как ленивого, нерасторопного): *Я говорю: "Так вот, надо было! Воскресенье, думаю, что отдохнуть буду...". Мама мне говорит: "Клуша! Вставай, цыплята за воротами!* (Бг.: Пинчуга, 2017). В данном случае слово «клуша» употреблено в переносном смысле: «медлительная, нерасторопная женщина» (разг. неодобр.) [Ожегов, 2003], в этом примере мы видим отрицательную оценку поведения дочери, которая спит вместо того, чтобы помогать родителям по хозяйству.

Зачастую концепт выражается с позиции самого отца: *[Как Вы воспитывали своих детей? – Собир.]. – Да я в воспитании шибко не принимал участие. Всё время на поле был. Рано уйду – он спит. Вечером приду – он тоже уже спит. Только в выходные с ним позанимался. [А как жена воспитывала детей? – Собир.]. – Она как могла. Вот пятнадцать соток огорода, это всё одна. Посадит и одна выкапывает. Всё обрабатывала одна. Работяшиша была у меня она. [Как, по-вашему, нужно воспитывать детей? – Собир.]. – А как, чтобы были сыты, одеты, и слушались. [А что нужно делать, чтобы дети слушались? – Собир.] – Подзатыльников.*

Ведь это необходимость (Бг.: Пинчуга, 2017). В данном примере также подтверждается гипотеза о роли отца-добытчика, не принимающего участия в воспитании ребенка, но вмешивающегося в какие-либо спорные ситуации, которые разрешаются влиянием отца. При этом подзатыльники, как и в других примерах, воспринимаются как благо, необходимая мера.

Исходя из вышесказанного, отметим, что оценка в рассказах о детях выражается в основном словообразовательными и лексическими средствами. Среди средств выражения оценки чаще, чем в других текстах, встречаются экспрессивно маркированные лексемы, например, «молодчинка» или «клуша». Рассказы о детях характеризуются в большей степени положительной оценкой. Устные рассказы о детях характеризуются этическим и нормативным типами оценок. Так, если речь идет о хорошем, правильном с точки зрения родителя поведении, мы встречаем оценочные средства нормативного типа; если же рассказчик повествует о чертах характера ребенка, мы говорим об этическом типе. Реже, но также отмечаем эмоциональный тип оценки в тех репликах, в которых говорится об атмосфере в доме, взаимоотношениях между детьми.

2.7 Языковые средства экспликации оценок в рассказах о жене и муже

Прежде чем говорить о языковых и текстовых средствах выражения оценочного слоя концепта «жена», следует указать на некоторые особенности формирования этого концепта в сознании представителей ангарской лингвокультуры.

На формирование данного концепта оказали архетипы и ценностные доминанты культуры.

В записанных нами текстах положительно оцениваются:

- особенности характера (спокойствие, мудрость, умение решать бытовые неурядицы, гостеприимность, физическая крепость и выносливость, инициативность и др.);

- отношение к мужу (покладистость, покорность мужу);
- заботливое отношение к детям;
- отношение к быту (хозяйственность, чистоплотность).

Все женские качества преподносятся представителями ангарской лингвокультуры весьма своеобразно. В первую очередь, следует отметить эмоциональность речи говорящих: частые повторы, восклицательные высказывания в отрезках интервью свидетельствуют об оценочном отношении говорящих к теме.

В следующих высказываниях оценка женщины как хранительницы домашнего очага, как человека, на которого возложена ответственность за психологический климат («атмосферу») в доме, взаимоотношения с мужем («ласково», «мирно», «дружно», «осторожно»), выражается при помощи повторов (лексические и синтаксические), восклицательными выражениями: *...женщина должна быть хозяйкой в доме! Всё зависит только от женщины. Мужа можно там как-то успокоить, примирить, можно с ним договориться, но всё, что в доме делается – всё зависит от женщины <...> А весь дом-то на женщине держится!* (Бг.: Богучаны, 2017); *Можно на него спустить, что: «Ты где был и почему?»... А можно, что: «Проходи быстренько, давай вот мой руки, ешь, ну, что там у вас случилось?». Понимаете? Вот. Это, это тут как, а если ты него гыгыгы, он тебе в ответ так же будет. А так будет всё хорошо. Ну, здесь можно понять друг друга, договориться можно всегда (Бг.: Манзя, 2017); *Если у нас какие-то вопросы возникали, то мы после ужина шли гулять, особенно зимой. Летом как-то проще можно на лавочке посидеть, ребятишки убегают, а зимой в доме ты же не будешь выяснять отношения... Мы шли гулять <...> ходили, гуляли, спокойно выясняли, почему так получилось, как это дальше жить. <...> У нас не было никогда ни криков, ни скандалов, ничего. Мы как-то так всё, мирно, дружно (Бг.: Богучаны, 2017).**

К основным средствам экспликации оценочного слоя рассматриваемого концепта можно отнести лексические (лексико-грамматические) и синтаксические средства.

Примечательным является то, что оценочность может быть заключена в грамматической структуре используемых информантами единиц. Так, лексемы, характеризующие идеальную жену, в большинстве случаев являются собой страдательные причастия прошедшего времени, когда речь идет об описании домашних обязанностей женщины, чаще употребляются формы типа «сделано», подразумевается конструкция «должно быть...» (выражен нормативный тип оценки): *Ну, конечно, это же если есть семья, семья есть семья, о семье надо заботиться!"* (Бг.: Манзя, 2017); *Вот надо уметь хорошо готовить. Это вот, это точно. Это точно, и ещё... Стряпать. Да. <...> Ну, в доме чистоту надо, это тоже. И вот, как сказать, чтобы, допустим, бельё было всегда выглажено. Это, это вот закон* (Бг.: Манзя, 2017);

Категория оценки выражается и на уровне собственно лексическом. Так, при характеристике жены информантами использованы языковые единицы, семантика которых подразумевает определенное отношение говорящего. Например, слово «позор», характеризующее деревенскую женщину как неаккуратную хозяйку, нечистоплотную, запустившую дом: *Поэтому нас как-то с детства учили: стряпать, к чистоте, к порядку, вот, так слава, что это чисто немецкое. И что, если у хозяйки грязь там, где-то во дворе, там или в доме, то это позор большой был* (Бг.: Богучаны, 2017). В семантическую структуру слова «позор» не входят эмоционально-экспрессивные элементы или дополнительные стилистические коннотации, ср. словарные статьи: «бесчестье, постыдное, унижительное положение» [Ожегов, 2003: 548], однако любой контекст, в который включена данная лексема, обладает семантикой негативной (см. публикации в СМИ или «Национальном корпусе русского языка»).

То же можно сказать и о существительном-коннотативе «талисман», в образном ключе характеризующей обратный – положительный концепт

жены: – *А я совсем не поеду. Он откажется: «Тогда я тоже не поеду!». Вот и всё. Тогда поехали вместе. Я, как талиман, лучше... Один, если как поедет, всегда какое-нить происшествие получается, я еду – у нас всё хорошо!»* (Бг.: Пинчуга, 2017).

Немаловажную роль играют и синтаксические средства выражения оценки, например, восклицательные предложения: *Жена моя шанежки пекла на кажный праздник. О! А какие рыбные пироги она стряпала!* (Бг.: Богучаны, 2017). В этом примере выражается нормативный вид оценки, положительно оцениваются кулинарные навыки жены.

На содержание концепта «муж» повлияли привычные для традиционного крестьянского общества представления о супруге. Путем анализа устных рассказов ангарцев о семье мы выявили следующие качества, присущие хорошему мужу: хозяйственность и трудолюбие, доброта, заботливость, умение проявить уважение к жене, любовь к детям. Рассмотрим средства выражения оценки, которыми выражается аксиологический слой концепта «муж».

Довольно часто в текстах встречается общеоценочное прилагательное «хороший», которое характеризует мужа в общем, не выделяя какое-то одно его качеств: *Муж-то у меня работал этим, как тебе сказать, ой, по судам-то этот. Он хороший был, люди к нему обращались, ходили. Хороший был* (Бг.: Богучаны, 2017); *Он хороший был мужик. Он меня уж сильно любил, о-о, трёся, как не знаю чего* (Бг.: Богучаны, 2017). Нередко прилагательное «хороший» также употребляется в сочетании с существительным, отражающим род деятельности или конкретное качество, приписываемое мужу («хороший кузнец», «хороший мужик», «хороший отец»): *А второй муж самое, он лес возил, на машине лес возил со мной, да. А потом, значит, его загнали в кузницу. Кузнец был хороший* (Бг.: Артюгино, 2014); *Я вот без него уже сколько прожила. Детей любил, хороший был отец, детей любил он всех. А щас вон столько внуков, столько правнуков, он бы тут щас бы, не знаю как*

бы... *Ой, ну что сделаешь, я прожила без него уже сколько, тридцать с лишним лет* (Бг.: Богучаны, 2017).

Через частнооценочные прилагательные эксплицируются такие качества как трудолюбие, надежность, хорошее чувство юмора, немаловажной, хоть и не главной чертой, является внешняя привлекательность: *Работящий был, симпатишный такой, невысокий ростом дедушка. <...> Я верила, что он надёжный человек, и как-то он любил меня, и я его любила* (Бг.: Богучаны, 2017). В данном примере информант-пожилая женщина, говорит о своем муже «дедушка», подчеркивая тем самым возраст супруга. Аналогично и мужчина нередко называет свою супругу «мать» или «бабушка», «бабка», но при этом смысловой акцент делается на ее социальную роль, а не возраст.

В воспоминаниях женщин о своих мужьях положительно оценивается веселый характер мужа: *Муж вообще любитель танцев был, весёлый был* (Бг.: Богучаны, 2017).

В рассмотренных нами текстах встречаются и другие существительные-коннотативы, например, «опора», которое употребляется в этом случае в переносном смысле со значением помощи и поддержки в чем-либо [Ожегов, 2003]: [*– Всё-таки на ком в семье всё держится? – Собир.*]. – *Наверно, муж. Должно быть, всё равно, это же опора. <...> вот корову держали, когда телится, я не доила с новотёла ни разу её. Он считал, что её тяжело доить, он её должен доить, потому что вымя тугое. Хотя я потом прочитала, что в Сибири ни в коем случае, если муж жил с женой, идти доить корову – это было позор мужчине. Но я этого не знала, потом, ну, это правда было уже, доить – это уже не то. Всегда он доил, раздаивал* (Бг.: Манзя, 2017). Ситуация, описанная в данном примере, является довольно репрезентативной в плане выражения представлений жителей Северного Приангарья о семейном укладе. Здесь мы отметим и традиционное понимание того, кому полагается быть главой семьи, и важность того, что мужчина должен не только обладать физической силой, но и быть способным заботиться о своей супруге, жалеть ее. В подтверждение вышесказанному приведем оценочный контекст, в

котором дана положительная характеристика любящего и заботливого супруга: Он хороший был мужик. Он меня уж сильно любил, о-о, трёсса, как не знаю чего. Если я чё-то начну делать... Как-то вилы у меня такие были, я обычно подцеплю чё-нибудь, знаешь, в огороде ботву таскать или чё ли, он пришёл: – Ты брось эти вилы! Ну, убрал. Потом пошёл, отрубил эти, длинные-то эти, покороче сделал. Я говорю: – Ты чё, с ума сошёл? Ты чё отрубил-то? – А чтоб ты поменьше цепляла, – говорит. Вот, видишь как. С роду не забуду, хороший был (Бг.: Богучаны, 2017). В данном тексте используются оценочное прилагательное «хороший» и устойчивое выражение «с роду не забуду», которое используется по отношению к чему-то, кому-то самому значимому для говорящего.

Продолжая говорить о средствах экспликации оценочного слоя концепта «муж», добавим, что в избранных для анализа устных рассказах также встречаются междометия, использование которых дает рассказчику возможность передать свое эмоциональное состояние и подчеркнуть важность чего-либо: и всё танцевали вместе мы, всё время танцевали с ним. Ох, как он кружил! Ох, как вспомню... У меня ой-ой, любитель был, он не то, что, как сказать, в компаниях, вообще весёлый был (Бг.: Богучаны, 2017).

Аксиологический слой концепта «муж» эксплицируется через риторические вопросы, которые явно не требуют никакого ответа и, наоборот, передают некую новую информацию, в частности, мнение говорящего: Как не надеяться на такую судьбу? Всю жизнь прожили. Вот и как не судьба? Конечно, судьба. Вот и мы прожили всю жизнь, детей вон нарожали полную избу (Бг.: Богучаны, 2017). В данном примере выражен высший, телеологический, тип оценки супруга как предопределенного самой судьбою человека.

Довольно часто в рассказах встречаются повторы, оказывающие определенное влияние на слушателя и выражающие эмоциональную оценку говорящим того, о чем ведется разговор: Муж не пил, покойничёк, у меня был хороший, царство небесное ему, светлого места. Хороший был дедушка.

Видишь, машины имели, гараж построили, всё своим рукам. Дом своим рукам построил, хороший был (Бг.: Богучаны, 2017); Я вот без него уже сколько прожила. Детей любил, хороший был отец, детей любил он всех. А щас вон столько внуков, столько правнуков, он бы тут щас бы, не знаю как бы... Ой, ну что сделаешь, я прожила без него уже сколько, тридцать с лишним лет (Бг.: Богучаны, 2017); ... он меня любил сильно и я его. Ой, любили мы друг друга вообще! Ты что, в компанию куда-нибудь гулять пойдём, не дай Бог ко мне какой-нибудь мужчина сядет, ты что! Он тут уже, всё нельзя... Он всё красавицей называл: «Где моя красавица?» . Любили мы, шибко любили. Я любила его, мне казалось, что лучше его на свете нигде нету такого, как он (Бг.: Богучаны, 2017). Рассматривая анализируемый материал и, в частности, примеры, приведенные выше, мы можем сделать вывод о том, что повторы употребляются тогда, когда речь идет именно о любви, причем не имеет значения, к супруге или детям, внукам. Стремясь к тому, чтобы подчеркнуть силу этой любви, рассказчики используют данное средство. Аксиологический слой концепта «муж» эксплицируется оценочным прилагательным «хороший» и сравнительным оборотом «лучше его на свете нигде нету такого, как он».

В завершение отметим устный текст, в котором демонстрируются более современные, а не традиционные оценки мужа. Здесь информант рассказывает о том, каким должен быть, на ее взгляд, идеальный муж: *Идеальный, когда не делит работу мужскую и женскую, когда нет жены – он может сварить, посидеть, это да, то есть, ну, то есть, вот. Или, допустим, если жена что-то делает, он же не лежит на диване, уж сделали, значит, потом можно полежать. Ну, и чтобы заботился, допустим, что если жена устала видит, что она может спокойно лечь, спокойно может говорить, всё, что хочет. В смысле, свою точку зрения высказывать, что без ревности без бешеной должно быть, про кого-то про что-то (Бг.: Манзя, 2017).*

Таким образом, несмотря на то что в Северном Приангарье повсеместно бытует традиционное представление о роли мужа в семье как добытчика, хозяина и строгого воспитателя детей, все же встречаются примеры, отражающие взгляды, присущие более молодому поколению. В текстах такого рода положительно оценивается равноправие супругов, одинаковое распределение обязанностей в семье.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что аксиологический слой концепта «жена» выражается преимущественно лексическими и синтаксическими средствами, реже в текстах встречаются примеры выражения оценки словообразовательными средствами. Оценке подвергаются такие качества жены как умение сгладить конфликты в семье, послушание, забота о супруге. В текстах встречается в основном положительная оценка.

Анализ рассказов о муже показал, что в них, в отличие от текстов о жене, не встречается отрицательная оценка, что, вероятно, связано с особенностями сбора материала: рассказы такого типа воспроизводились не по прямому запросу интервьюера о том, каким должен быть хороший / плохой муж. Среди средств экспликации оценки, посредством которой формируется образ идеального мужа в системе ценностей ангарцев, главенствующую позицию также занимают лексические и синтаксические средства.

Рассмотренные нами устные рассказы характеризуются преимущественно этическим и нормативным типами оценок, при этом считаем немаловажным отметить, что в рассказах о жене нормативная оценка встречается чаще. Так, например, в текстах встречается большее количество правил поведения хорошей жены, нежели хорошего мужа. Интересным является и тот факт, что в рассказах о жене оценки эстетического типа представлены незначительно, в рассказах же о муже таких примеров больше.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Можно сделать некоторые выводы об аксиологическом слое концептов о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") в рамках конкретной региональной лингвокультуры. Каждый из этих концептов имеет сформированный аксиологический слой, который выражается преимущественно морфологическими (оценочные прилагательные) и лексическими средствами (коннотативы). Меньшей частотностью обладают такие средства экспликации оценки, как восклицательные предложения, лексические повторы.

Аксиологический слой концептов "мать", «отец», "бабушка" "дедушка", "дети", "жена" и "муж" отражает ценностные доминанты традиционной ангарской лингвокультуры (значимость трудолюбия, хозяйственности, заботливости, чистоплотности, суровых методов воспитания).

Положительно ангарцы оценивают прежде всего характер близкого родственника, «душу», а внешность оценивается во вторую очередь. В записанных нами текстах, помимо трудолюбия и хозяйственности, положительно оцениваются: спокойствие, мудрость, умение решать бытовые неурядицы, гостеприимность, физическая крепость и выносливость, инициативность и др., а применительно к женам – покладистый характер, покорность «хорошему» мужу. Особое место в структуре концептуального поля «близкие родственники» занимают концепты «бабушка» и «дедушка». Именно они занимались воспитанием и сбережением детей, поскольку родители много работали. Тексты о бабушке и дедушке эмоциональны, положительно оценочны. На первый план выходят нормативные и психологические оценки (подчеркивается их особенная доброта, равнодушие, заботливость).

Отметим, что оценка в рассказах о детях выражается на всех языковых уровнях: лексическом, словообразовательном и синтаксическом, при этом средства оценки в текстах встречаются чаще,

чем в рассказах о других кровных родственниках. Отличительной особенностью этих рассказов является то, что в них содержится не только прямая оценка детей как умных или умелых в чем-либо, но и имплицитно выражается оценка говорящего самого себя. Своей семьи в целом (имплицитно выражается смысл «правильное воспитание в семье»).

Анализ аксиологического слоя концептов «жена», «муж» не выявил негативно-оценочных средств, что не свидетельствует об их отсутствии. Очевидно, что на векторную направленность текстов о супругах повлияли установки собирателей на сбор информации об идеальных мужьях и женах. Дальнейшее исследование позволит устранить эту лакуну в эмпирическом материале.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена рассмотрению особенностей репрезентации аксиологического слоя концептов о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж") в рамках конкретной (региональной) лингвокультуры. В качестве материала нами использованы записи устной разговорной речи представителей ангарской лингвокультуры, собранные в результате прохождения фольклорной и диалектологической практик.

В ходе анализа теоретической литературы установлено, что лингвокультура является совокупностью массива информации культуры, получившего объективацию в языке. Представляя собой взаимосвязь культуры и языка, определенного этносознания, лингвокультура также является частью этнокультуры. В качестве элемента лингвокультуры предлагается понятие – средство речевой деятельности. Важным для характеристики лингвокультуры является анализ аксиологический слоев лингвокультурных концептов, поскольку в них наиболее полно отражается специфика лингвокультуры. В любом обществе существует некоторая система ценностей, отражающая ценности в языке, присущие тому или иному народу.

Рассматриваемые нами тексты ярко отражают оценочные слои рассматриваемых концептов. Оценка в исследуемых текстах выражается на различных языковых уровнях.

К словообразовательным средствам относятся использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (особенно это характерно для выражения оценочного слоя концепта «бабушка»).

Морфологические средства представляют собой значительный по составу набор языковых единиц, выражающих оценочные слои рассмотренных концептов. При этом оценка эксплицируется в основном

оценочными прилагательными, наречиями, в ряде случаев – междометиями.

К типичным лексическим средствам выражения оценки относятся коннотативы (труженик, чистоплюйка, работяга, рукодельница и др.). Особую роль играют фразеологические единицы для выражения положительной оценки «золотые руки», «добрейшей души человек» и др.

К синтаксическим средствам выражения оценки относятся в основном восклицательные предложения и риторические вопросы.

В рассмотренных текстах о близких родственниках даются разные типы оценок: общеоценочные (хороший / хорошая); телеологические (молёный, судьбой данный); нормативные (трудолюбивый, хозяйственный); этические (добрый, добрейшей души человек); интеллектуальные («всё знала», разумная); эстетические (красивый, высокий); психологические (суровый, строгий).

Перспективой дальнейшего исследования является расширение эмпирической базы исследования, которая позволит проанализировать тексты о близких родственниках с коммуникативно-прагматических позиций, рассмотреть тактики и стратегии оценивания. Важным представляется и нарративный анализ подобных рассказов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2016. 288 с.
2. Аль Хатиб Л. Б. Концепты «дедушка/бабушка» в разных лингвокультурах // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. 4. С. 163-165.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 896 с.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Белоусова Г.Г. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. 344 с.
7. Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сборник научных трудов, 2014. С. 33–39.
8. Борисенко Т.В. Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. 3 (437). С. 47-55.
9. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания, 1993. 2. С. 114–124.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М., 1996.
11. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г.

Костомаров. М., 1990.

12. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640с.

13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

14. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского госуд. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. С. 396-405.

15. Гумбольдт В.Ф. Избранные труды. М.: Просвещение, 1984. 400 с.

16. Гумбольд В. Фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.

17. Гуревич П.С. Культурология: учебник. М.: Юнити, 2008. 336 с.

18. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

19. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 39–77.

20. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2005.

21. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997

22. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. 364 с.

23. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

24. Измайлова Р.Р. Концепт «бабушка» в русской языковой картине мира // Сборник материалов конференции «День Науки-2017». 2017. С 10-15.

25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 4. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград, 2010.

26. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокогнитивный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А.Стернина. Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 2001. - С. 75–79.

27. Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия: 9. Филология. 2013. 2. С. 7–18.

28. Карелова И.И. Концепт «Мать» в идиоконцептосфере Л.Е. Улицкой // Известия ВГПУ. 2008. С. 1-4.

29. Кочеров С.Н. Русская идея как аксиологема // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2006. 1. С. 541–547.

30. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

31. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: Междунар. меж-вуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002. С. 5–15.

32. Кубрякова Е.С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007.

33. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1534 с.

34. Курилова Н.В. Аксиологеми современного экологического дискурса // Армия и общество, 2013. 3. С. 74–77.

35. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Раздумья о России. -СПб: Логос, 1999. С. 493–505.

36. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1992.

37. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. - М.: Гнозис; Прогресс, 1992

38. Лукьянова С.В. Прилагательные с экспрессивным и эмоционально-оценочным значением в псковском областном словаре с

историческими данными (к вопросу о стилистической характеристике слова в словаре) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2016. 4. С. 120–125.

39. Маслова В.А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки славянской культуры, 1991.

40. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.

41. Межуев В. М. Культура и история. М.: Политиздат, 1987. 199 с.

42. Межуев В.М. Культурология и философия культуры // Социологические исследования. 2008. 2. С. 24–35.

43. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4е изд., доп. М.: ООО "ИТИ ТЕХНОЛОГИИ", 2003. 944 с.

44. Панасенко Н.И. Интонационные средства выражения субъективной модальности в английском монологе рассуждения. Экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1985. 24 с.

45. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Символ и миф в народной культуре. М., Лабиринт, 2000.

46. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010.

47. Самойлова Г.С., Комышкова А.Д. Мысль семейная в русской языковой картине мира: история ценностного отношения к семье по данным русского языка // Вестник Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет). 2016. 2. С. 1–8.

48. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

49. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 2010.

50. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 255 с.

51. Смирнов Е.С. Концепт чужой в ангарской лингвокультуре // Сборник трудов конференции: Международная научная студенческая конференция МНСК-2016: языкознание. 2016. С. 31-32.

52. Смирнов Е.С. Ценностная составляющая концепта "чужой" в ангарской лингвокультуре // Сборник трудов конференции: Экспликация базовых ценностей этноса в речи и тексте. 2016. С. 172-183.

53. Смирнов Е.С. Устные рассказы коренных жителей верхнего и нижнего приангарья друг о друге в лингвоаксиологическом аспекте // Сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2017. С. 74-77.

54. Смирнов Е.С. Концепт «Чужой» в ангарской лингвокультуре: дис. ... магистр: 45.04.01. Красноярск, 2017. 217 с.

55. Сорокин П.А. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994.

56. Сперанская А.Н. Индивидуальный речевой портрет жительницы северного приангарья // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. 4. С. 97–115

57. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.

58. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. - 248 с.

59. Тарасов Е.Ф. Языковая и коммуникативная способность человека. М.: Наука, 1994.

60. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

61. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука

и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Иностранная литература, 1960. С. 135–198.

62. Успенский Б.А. Избранные труды, том 2. Язык и культура. - М.: Издательство «Гнозис», 1994. 688 с.

63. Ушинский К.Д. Родное слово: кн. для учащихся // Собр. соч.: в 11 т. - М.; Л.: АПН РСФСР, 1948. Т. 2. С. 554–574.

64. Фельде О.В. Ангарский нарратив как объект исследования // Вестник ТГПУ. 2014. 10 (151). С. 189–191.

65. Фельде О.В. Устный текст как транслятор старожильской лингвокультуры северного приангарья // Журнал сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2019. Т. 12. 1. С. 55–76.

66. Филин Ф.П., Сороколетов, Ф.П. Словарь русских народных говоров. Выпуск 18. М.: Наука, 1982. 367 с.

67. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.

68. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

69. Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

70. Шпенглер О. Закат Европы. Образы и действительность. М.-Пг., 1923.

Устные рассказы о близких родственниках

А1 Рассказы о муже

А1.1 Текст № 1

Информант: Рукосуева Ольга Степановна, родилась в 1924 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на, в н. вр. проживает в пгт. Богучаны.

Собиратели: студенты СФУ Дурынина Л., Побережных И. (под руков. О.В. Фельде).

Муж-то у меня работал этим, как тебе сказать, ой, по судам-то этот. Он хороший был, люди к нему обращались, ходили. Хороший был. Муж не пил, покойничёк, у меня был хороший, царство небесное ему, светлого места. Хороший был дедушка. Видишь, машины имели, гараж построили, всё своим рукам. Дом своим рукам построил, хороший был. Жить-то и не пришлось долго ему. Четвёртый год уж как помер. Всё сделала: и памятник поставили, и всё, он заслужил у меня.

Прожили жись и не видали, как она пролетела. Шисят два года прожили с дедушкой. Ну, конечно, дОбро-то всопинатса. Оха-ха... на кладбише я часто нанимаю, увезут меня, посижу на могилке, поплачу. Памятник поставила, вот ешо столик да скамеечку надо, дак это уж хочу в этот, в Быткоминат, сходить. Взять да увезти поставить. Больше у меня всё, порядок там. Проведаю хожу, да чё их проведать, придёшь поплачешь. Ничё он тебе не посоветует. Щас жить да радоваться надо, правнуки есть, всё.

[Сколько вам было лет, когда вы замуж выходили? Как вы познакомились? – Собир.]

– Кто? Я? А я вышла... двадцать три ли четыре ли было года.

[После войны? – Собир.]

– Ага.

[Муж моложе вас или старше? – Собир.]

– Мой моложе. Моложе. Я двадцать четвёртого, он двадцать девятого был. Но, он хороший у меня был, очень хороший. Всем соседям помогал, это чё. Он и по железу делал, и по дереву делал – золотой! Хороший был. Ну мало пришлось жить-то, видишь как. Мы уже шийсят два года с ним прожили. Шийсят два! Вот такие дела. Ну живой-то был, дак мне кого?! Мы жили хорошо с ним, не ругались, у него характер хороший. Я лишь чё-нибудь маленько вспылуюсь ... «Ну, опять запылелась!». И всё. У нас никаких не было, штоп драться, ли там ругаться ли, не-не-не. Хороший человек был, очень. Он же яркинский у меня, а я пинчугская. А сошлись – я работала в столовой...официанткой. А он из армии пришёл... И устроился в Райсоюз работать. Ну, придёт обедать, ну как официанткам положено служить. А потом как-то он стал ко мне просто разговаривать так. Я ешо девка была. «Ты одна живёшь?», – он мне говорит. А так я ешо не замужем. Ну а я только, грит, с армии пришел. Вот так-то, вот так познакомились, сошлись. Место-то я выпросила, а он давай дом строить. И построил дом, и баню, и гараж – и всё хорошее. Золото был, золото! Вот такие дела. Царство ему небесное, он у меня хороший был, хороший дедушка. Всё мне говорил: «Я умру вперёд, как ты будешь жить одна-то? Ты умрёшь, как я буду жить без тебя?». Ага, тоже. Вот, видишь, пришлось. Он не болел у меня ничем. Сердца хватило, раз – и готово дело. В больнице говорит, в шесть часов мы с ним поужинали, в семь посидели, а в восемь скорую вызвали. В восемь часов увезли, и он умер, так што. Переживала я. Не походила, не поухаживала за нём. Хороший деда был, очень хороший. (Бг.: Богучаны, 2017)

А1.2 Текст № 2

Информант: Скурихина (Бурнашова) Лидия Николаевна, род. в 1927 г. в г. Тайшет Иркутской области, в н. вр. проживает в п. Артюгино Богучанского района.

Собиратель: О.В. Фельде

[– Где Вы с мужем познакомились? – Собир.].

– Где познакомились-то... Да у меня второй был муж-то, а как ещё то. А как это жить с мужиком с одним, надо и второй.

Ну, первый тоже на валке работал. Тогда уже после пил этих, «Дружбы». Лес валил, лес валил тогда. Ну, и потом чё... На рее также работал летом, тоже работал же со мной. Но потом заболел и умер. А второй муж самое, он лес возил, на машине лес возил со мной, да. А потом, значит, его загнали в кузницу. Кузнец был хороший. У него отец был кузнецом, и он от него и научился. Кузница там, то гвозди ковать, то лошадям подковы и там чё такое. Он кузнецом работал, а потом заболел, заболел, заболел. Жили дружно, ни разу не ругались. Лет тридцать с ним прожили. Но от него у меня детей не было, но и не хотела. Молода была, я думала, что надо работать, нечего дома сидеть. Но было двое, мальчик тоже был, а вот Витя умер в сорок лет. Ну, а так первый муж сорок лет ему было (Бг.: Артюгино, 2014).

A1.3 Текст № 3

Информант: Информант 1: Шабанова Анна Александровна, род. в 1931 г. в д. Ярки Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны; Информант 2: Безруких Светлана Петровна, род. в 1953 г. в д. Мунтуль Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны

Собиратель: Е.С. Смирнов

Ш.А.А.: Я рано замуж вышла, потому что, как сказать... Шабанов, это мой муж, теперь его нет уж 30 лет. Мы дружили, молоденька была и вот он, всё со мной баловался. Вот у нас был такой учитель, Дмитрий Яковлевич Альгин, он как-то на перемене меня поймал, и чё-то там давай баловаться всё со мной, учитель заходит:

– Что это, жених с невестой тут?

И взял нас учитель, сели все на урок, а он нас взял поставил. Дедушку моего, ну, не деду, это щас дедушку, Петра моего суда, а меня туда. Они:

– Ребята, смотрите, вот, у нас жених и невеста.

Ну, так разве можно было? Так бы он подумал, ага.

И вот мы с им дружили, всю жись, жили, это, и на пашнях, это, на станки уедем, значит. Держали коровёнку, надо ж было сено косить после работы. Он мне помогает там с сеном, я другой раз ему помогаю, всё. Так сдружились и поженились.

[– Как свадьбу проводили? – Собир.]

Ш.А.А.: Ну, свадьбу, ну, как, собрались колхозники, самогонку нагнали.

[– Были какие-нибудь свадебные обычаи? – Собир.]

Ш.А.А.: Свадебные... Ну, как-то, как вам сказать, это сейчас свадьбы там всё, а раньше: ну, посидели, поздравили нас и всё. Церкви же не было, нас не регистрировали, никого и всё, и вся свадьба.

Б.С.П.: В сельском совете-то регистрировали.

Ш.А.А.: Ой! Ну, это мы уже, когда у нас уже дети были, мы зарегистрировались.

Б.С.П.: Самогоночку выпили, попели, поплясали.

Ш.А.А.: Плясали, конечно, а как? Раньше гармошка... И вот идёт женщина с женщиной, у меня муж плясун и пЕсельник был, и я пЕсельница была, и частушки поём, и приплясываем, знашь, как красиво было, хорошо было. Ну, пели. У меня вот тоже муж был тоже песельник. Ой, так хорошо пел! Мы с им и пели, и танцевали вместе. Помню, в колхозе работали, в яме картошки перебирали, а он вот картошки перебирали, а гнилые наверх вытаскивали и, это, а он возил картошку эту гнилу в свинарник туда. Это вот он приедет туда, а мы все из ям повылезем, а там холодно сидеть в подвале-то, погреться, и вот он давай, он меня всё:

– Аня, давай потанцуем!

Вот учились танцевать, ага. Вот он кружит, поля же, и всё танцевали вместе мы, всё время танцевали с ним. Ох, как он кружил! Ох, как вспомню... У меня ой-ой, любитель был, он не то, что, как сказать, в компаниях, вообще весёлый был. Ну, мало пожил... Вот тут уже сколь, тридцать с лишним лет нету. Я вот без него уже сколько прожила. Детей любил, хороший был отец,

детей любил он всех. А щас вон столько внуков, столько правнуков, он бы тут щас бы, не знаю как бы... Ой, ну что сделаешь, я прожила без него уже сколько, тридцать с лишним лет.

Б.С.П.: Тридцать один год.

[– Ваш брак был счастливым? – Собир.]

Ш.А.А.: Счастливым.

[– В чём секрет счастливого брака? – Собир.]

Ш.А.А.: Ну, счастливый, потому что он меня любил сильно и я его. Ой, любили мы друг друга вообще! Ты что, в компанию куда-нибудь гулять пойдём, ни дай бог ко мне какой-нибудь мужчина сядет, ты что! Он тут уже, всё нельзя... Он всё красавицей называл:

– Где моя красавица?

Любили мы, шибко любили. Я любила его, мне казалось, что лучше его на свете нигде нету такого, как он. Бывало, жила я ешо не замужем, девчонкой была, а у нас в доме крыльцо, отец высоко тако сделал, а он там у нас лошадей запрягает. Он сено возил там всё, я на крыльцо встану, гляжу, где мой там Петя, хоть увижу его, а он-то...

[–Он местный был, коренной?– Собир.]

Б.С.П.: Нет, он родился в Иркинеево, точно также как бабушка, по дороге в Мунтуль. Они с одного года. Она февральская, а он октябрьский. Они тоже сосланы с Алтая, родители. У него этот дед, сослани-то не родителей, а дедушку. Он алтаец, строил мельницы, ну, естественно, молот муку, собирал денежки за помол, и его сослани за то, что он был от природы инженер, совершенно безграмотный. Его сюда сослани, а он и здесь мельниц в районе построил.

Ш. А.А.: Работящий был, симпатишный такой, невысокий ростом, дедушка.

[– Вы верите в судьбу? – Собир.]

Ш.А.А.: Я, допустим, в свою судьбу верю. А то, чтобы со школьной скамьи, со своим дружили-дружили с первого класса и всё, и всю жизнь

продружили и поженились, и всю жизнь прожили, детей нажили. Вот я верую в судьбу. Я верила, что он надёжный человек, и как-то он любил меня, и я его любила. Как не надеяться на такую судьбу? Всю жизнь прожили. Вот и как не судьба? Конечно, судьба. Вот и мы прожили всю жизнь, детей вон нарожали полную избу. Мне казалось, что лучше его нигде на свете нету, правда. Ой, я любила, сильно его любила. Он как умер, я сильно страдала, мне плохо было без него. Он хороший был мужик. Он меня уж сильно любил, о-о, трёся, как не знаю чего. Если я чё-то начну делать... Как-то вилы у меня такие были, я обычно подцеплю чё-нибудь, знаешь, в огороде ботву таскать или чё ли, он пришёл:

– Ты брось эти вилы!

Ну, убрал. Потом пошёл, отрубил эти, длинные-то эти, покорооче сделал. Я говорю:

– Ты чё, с ума сошёл? Ты чё отрубил-то?

– А чтоб ты поменьше цепляла, – говорит.

Вот, видишь как. С роду не забуду, хороший был. Но отжил... скоропостижная смерть была.

Б.С.П.: Он чаще всего в лесу работал. А как весна, лето начинается, он всегда из леса приезжал с букетиком цветов. Помню, тут вот уже в избушке, здесь работали. Дедушка заходит, ну, отец, заходит в ограду, а бабушка там в избушке, мы тогда там оставались:

– Опять с веником идёт!

А он, это самое, услышал, говорит:

– Да я не тебе, Людочке.

Это младшая дочка.

Ш.А.А.: А он уж сильно любил её, ну она сама младша, эти уж подросли. Он сначала, вроде бы, ох, недовольный был, что родилась девочка, что надо было сына ему ещё. А потом как приехал, я тут рожала, в Богучанах, приехал за ей, увидал её, что ты! Он даже не дал никому нести её, ничё, Боже Мой!

Любил её до самой смерти, так любил... Ну да, молоденька была тогда ещё, когда умер-то, она не замужем была (Бг.: Богучаны, 2017).

A1.4 Текст № 4

Информант: Ишкабулова Галина Михайловна, род. в 1951 г. в д. Каменка Богучанского района, в н. вр. проживает в п. Манзя Богучанского района.

Собиратель: Е.С. Смирнов

[– Каким должен быть идеальный муж? – Собир.].

– Ой, даже не знаю... Вот, знаете, есть, опять же, есть открытые словесные такие, есть молчуны. Достаточно, да, вот и поэтому как, ну, чтобы детей знал, что у него дети есть, чтобы не забывал, что у него дети есть и о жене. Это не значит, что там «соловья баснями кормить, а самому идиотом быть».

Я щас, мы, когда начинали работать, молоды начинали работать все, женщина была. Вот она замуж вышла, он из вербованных был, у них семья была, дети. Ой, на глазах был, ну, лучше не было его, а ночью он мог её гнать, искать водку свежую. А где искать? Это щас где-то продают, а в то время где? Но на глазах он был идеальный, но это же идиотство, поэтому вот.

Идеальный, когда не делит работу мужскую и женскую, когда нет жены – он может сварить, посидеть, это да, то есть, ну, то есть, вот. Или, допустим, если жена что-то делает, он же не лежит на диване, уж сделали, значит, потом можно полежать. Ну, и чтобы заботился, допустим, что если жена устала видит, что она может спокойно лечь, спокойно может говорить, всё что хочет. В смысле свою точку зрения высказывать, что без ревности без бешеной должно быть, про кого-то про что-то (Бг.: Манзя, 2017).

A1.5 Текст № 5

Информант: Ишкабулова Галина Михайловна, род. в 1951 г. в д. Каменка Богучанского р-на, в н. вр. проживает в п. Манзя Богучанского района

Собиратель: Е.С. Смирнов

[– Кто должен быть главным в семье? – Собир.].

– Я не знаю, даже это, знаете, примета такая есть: надо ноги посмотреть, ногу. Не знаете? Вот если второй палец длиннее первого, то значит жена главная, если наоборот, то тот. А в чём это главное? Я не знаю, ну, бывает, например, идея принадлежит жене, да? Допустим, кто-то из них очень быстро поднимающийся на что-то, а другой нет, его надо своротить куда-то и так далее. В этом, наверно, а так всё равно что-то по договорённости должно быть что-то.

[– Всё-таки на ком в семье всё держится? – Собир.].

– Наверно, муж. Должно быть, всё равно, это же опора. Я же вышла за муж, за мужа же вышла, да? Наверно, женщина должна всё-таки быть более... Я не задумывалась почему-то никогда об этом.

Для меня раньше было, ну, он работал на кразе муж-то и день, и ночь там. Как-то уехал, мне надо было дров наколоть. Мне нравилось всегда, потому что, как в детстве мы одни жили, мне так, ой, ну чё дрова-то не поколоть. В училище вообще одна в комнате дрова колола, ума было! Вот щас загибаюсь, вот то есть мне никогда проблемы не было. Снег, допустим, если он на работе, почему бы снег не почистить, почищу.

Но вот корову держали, когда телится, я не доила с новотёла ни разу её. Он считал, что её тяжело доить, он её должен доить, потому что вымя тугое. Хотя я потом прочитала, что в Сибири ни в коем случае, если муж жил с женой, идти доить корову – это было позор мужчине. Но я этого не знала, потом, ну, это правда было уже, доить – это уже не то. Всегда он доил, раздаивал (Бг.: Манзя, 2017).

А2 Рассказы о дедушке

А2.1 Текст № 1

Информант: Кротенко Татьяна Петровна, родилась в 1948 г. в д. Каменка Богучанского р-на; в н. вр. проживает в п. Манзя Богучанского р-на.

Собиратель: Студенты СФУ Смирнова К., Савяк С. (под руков. О.В. Фельде)

[Расскажите, пожалуйста, как вас воспитывали? – Собир.]

– Нас... У нас были, у нас был дед, бабушки не было, вот это мамин отец, бабушка умерла рано очень, мама её даже сама плохо помнила, а был дедушка – замечательный человек это был вообще. И вот он с нами...

Он уже был старенький, ему уже было, ну, вот как я его начала помнить, ему, наверное, было около восьмидесяти, и потом он умер в девяносто с чем-то. Он сидит на кровати, борода такая у него окладистая, трубку курил. Эту трубку мы у него наперебой выхватывали, чтобы почистить, кому это достанется сделать.

Сказки... А вот знаете, тогда ещё и свету не было, и радио не было. Вот помню, ну, мама же с папкой были молодые, там... Ну, знаете, как раньше... Ну, кости ходили. Вот летом там гулять было некогда, а вот зимой они, допустим, сегодня у вас, говорили, вечер отводят. Да, вот, значит, собираются, там хозяйка готовит всё, собираются всё там, может через неделю, через две у вас. Это, и вот так вот за зиму они обойдут всех, ну, всё равно же компания есть своя, не то что вся деревня, а вот, деревня была большая. И мы вот оставались с дедушкой, он лучину зажжёт, печку эту железную откроет, туда лучину, так вот это лучина горит, мы у него на кровати все... Брат мой, он был меня младше на пять лет, называлась зыбка у нас, вот не люлька, это было, была пружина вот в потолок, и тут вот висела, ну, какая она была: вот так, тут вот, вот так верёвки, а там, ну, может полотняная или холщовая какая-нибудь вот эта вот пришита, ну, и там постелька, и вот он в ней лежал. И вот мы его, он ревёт, и мы вшшш – он летает только по всей комнате вот так. Дед нам всё

говорил, как же он говорил, как-то он интересно говорил, что... Ну, убьёте парня, там может. А мы ж сидели ещё не одни, это ладно у нас дед был, а у которых ведь не было. Нас соберут в одну избу-то несколько человек, потом придут нас попроведать, принесут нам что-нибудь, какие-нить печенюшки там состряпанные, вот эти что-то. Спали мы, в основном, печка русская была, вот на этой на русской печке там была постелена, что там у нас было, шуба такая, вот, сейчас этого нет уже, а раньше шили из шкур собак, такие вот шубы, вот до пола с воротником вот таким вот, такие же рукавицы, мошнашки называли, и на ноги вот, ну, там валенки или что-то было ещё, а на ноги одевали такие вот, как вам сказать... Ну, вот сейчас бывают тапочки такие закрытые вот, тарай их называли. Вот из этой же, вот туда совали, тут вот шнурком так вот завяжут, ну, в общем, на руках, на ногах, вот тут вот, с таким это.

[Из чего делались тарай? – Собир.].

– Ну, вот тоже из собачины, из шкур. Детство моё, ну, прошло там, а здесь уже, ну, шестой класс, ну, тоже ещё.

[Как вас дед воспитывал: наказывал или нет? – Собир.].

– Да, он был вообще добрейшей души человек. И вот, ну, вот когда он ещё мог, когда выходил, у нас перед домом была такая большая лужайка, и на ней рос спорыш, вот такая травка. Как же она по другому-то называется... топтун её звали. Но это спорыш, она вот такая маленькими беленькими цветочками цветёт, но она такая вот мяконькая, ну, вот таким вот покрывала. И была ещё у одной девчонки бабушка вот, тоже. Вот дед наш на лавочке сидит под окном, а мы вот баба Сана, баба Сана мы, её звали Александра, мы её звали баба Сана. Она вот там рассадит нас, и начала: «Кукушка через поле...», там что, дальше не помню, но какие-то игры вот такие вот играли они с нами. Деда нашего любили не только мы, его вообще все любили. Мне кажется, я даже больше такого человека в жизни не встречала – какой он был, такой могучий, старик, красивый, большой, высокий. Вот эта вот седая борода, трубка... (Бг.: Манзя, 2017).

А2.2 Текст № 2

Информант: Алексина Любовь Анатольевна, 1957 г.р., с. Яркино Кежемского р-на Красноярского края.

Собиратель: Фельде О.В.

У нас, дедка, помню был, дедушка Кондраха был у нас, если, я меньше была, мама уйдут, ему накажут. Заходит тут, а в школу же дни были, морозы стоят за 50, стучацца:

- Чаво, дома?

Я с кровати говорю: «Дома».

- Шпи, молёна, шпи, молёна, сегодня выходной.

- Чаво?

- Трясуча на улицы-то стоит, не в школу.

Всё: я спать. Мама с папой придёт: «А ты чё не в школе?»

- Дедушка приходил сказал трясуча.

- Он наврёт, чтобы я спала: «Мне жалко её будить, пусть спит».

- Трясуча на улицы, гыт, стоит, спи молёна.

- А «молёна» - это лаковое обращение? [– Собир1.]

- Ласковое слово! «Ох и моя молёна» - это значит «ты моя хорошая», что-то вот такое.

- А как ещё ласково обращались к внукам? Называли их «печень моя»? [– Собир.]

- Кишки ты мои, да бабины печёнки, да всяко-то: «Ах ты бабины печёнки, кишки бабины» (Кеж.: Яркино, 2018).

А2.3 Текст № 3

Информант: Аннонен Виктор Иоганнович, род в 1951 г. в п. Южно-Енисейск Мотыгинского района (до 1956 г. Удерецкий район), в н. вр. проживает в пгт. Мотыгино

Собиратель: Е.С. Смирнов

Дед работал, дед работал, значит, и ассенизатором работал. Он не гнушался никакой работой. И ассенизатором работал, и конюхом работал, но конюхом он не захотел работать. Я помню, что он говорил, что он сильно переживал за то, что грубо обращались с лошадьми, так сказать (Мт.: Мотыгино, 2017).

А2.4 Текст № 4

Информант: Костров Алексей Аркадьевич, род в 1967 г. в п. Пинчуга Богучанского района

Собиратель: Е.С. Смирнов

– Ну, вот у меня дедушка, он тоже с конями всё. Ну, раньше как было вот это: сеяли, пахали, всё ведь на конях это было. Ну, вот, уедут на эту... и вот всю весну там живут, были же эти, ну, станки назывались, станок. Ну, избы построенные. Вот на стане они.

[– Получается, что Ваш дедушка ухаживал за конями? – Собир.]

– Ну, конями. Он всем, он всё умел: и по дереву, и печки клал. И печки вот эти, сейчас ещё полдеревни печек осталось евовных, он в восьмидесятом помер, и ещё вот стоят печки эти (Бг.: Пинчуга, 2017).

А 2.5 Текст № 5

Информант: Мешкис Валентина Ивановна, род. в 1937 г. в с. Рыбное Удере́йского района (с 1956 г. Мотыгинского района), в н. вр. проживает в с. Недокура Кежемского района.

Собиратель: Е.С. Смирнов

Помню хорошо, я ж небольшая была, дедушка, мама, и они бегут. Там сестра её жила, тоже там с нами. Бегут. А деда хорошо, там жил в деревне, он в лесу всё знал. Он охотник хороший и лес этот знал, как не знаю кто. Они бегут. Он уже знал куда, где, и бегут по грузди. Собирают груздей рано утром, ещё темно, конечно. Вот принясут и на работу. Ну, вот так росла.

Никаких я денег, никаких мы денег не видели, жили... Ну, продукта у нас была, потому что деда был охотник. Сохатых добывал, рыбу добывал. Садил в огороде, вот. А хлеба, ребята, не было. Всё сдавали в этот, в колхоз. <...> Ну, потом, правда, после войны хлеба не было, а вот после войны, конечно. А деда у нас ещё был председатель. Вот в колхозе был председатель. Никого мужиков-то не было. А он грамоты не знает. Его научили писать печатными буквами фамилию. Он пишет печатными буквами. Интересный такой, ага. А он хорошо деревню-то знал, всё, вот. Ну, вот так вот. Вот так вот мы жили.

Нам принесли пайку, помню, принесли пайку. А не хватат и не хватат хлеба. Охота поить-то. Хочется ребёнку-то, ага. Ну, а я говорю:

– Мне пайку дают. Мне вот так вот.

Это хорошо запомнила, мне рассказывали:

– Мне этой пайки не хватит. Вы едите моё. Мне не хватает.

Бывает типа от меня как бы это. Ну, такое было рассуждение, ага. Ну, они решили:

– Ну, ладно. Мы отдельно тебе возьмём.

Ага, вот они посмеяться, ага. Принесли мне отдельно эту пайку 200 граммов.

Сели есть все за стол, ага. Дали мне же кусочек:

– Раздели его на столько-то, столько-то раз.

А я съела. Это, смотрю, это они уже рассказывали:

- Сидишь, и у тебя слёзы потекли.

Ага, потом дедушка заругался, это самое:

– Ешь родимая, ешь родимая! Всё съедай!

И вот и съела кусочек (Кеж.: Недокура, 2018).

А3 Рассказы об отце

А3.1 Текст № 1

Информант: Рукосуева Ольга Степановна, родилась в 1924 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на, в н. вр. проживает в пгт. Богучаны

Собиратель: Студенты СФУ Дурынина Л., Побережных И. (под руков. О.В. Фельде)

[Вы родились здесь? – Собир.]

– Пинчуга, Пинчуга Богучанского района.

[А родители Ваши откуда были? – Собир.]

– Пинчугские тоже, пинчугские. Отец и мать, отец у меня казак был, в казаках служил раньше. Покажу фотокарточку вам в казацкой форме. А мама, как тебе сказать, ну пинчугская, вот. Работала я в колхозе...бригадиром работала, животноводом работала, девчоночкой ешо была. В войну-то знаш как было? Ой, ой, ой, в колхозе-то всё работали, работали всё и косили, и вязали. Всё работали ребята. Война-то, она...да в войну эту ... работала уж в колхозе. Стажёр-бригадиром поставили. Потом всех мужиков-то забрали, некому. Потом животноводом поставили, чего понимала – ешо ребёнок. Вот так вот. Так и жила. Потом снопы вязала...на участке жила, меряла ходила набу...набойки. Така, така история у меня. Жили мы бедненько, в колхозе сами знаете, колхозная работа. Щас отца фотокарточку вам покажу. Ох, тошно ребята, ох! Ой, худо, худая жизнь моя, худая. Только на Юльку да на зятя надеяться. Уж больше мне не на кого, я говорю – хоронить будете уж вы. Кто боле-то будет хоронить меня? Вот, ребята, покажу вам – отец мой. Ой, вот это отец мой, а это он в форме вот стоит, а это брат его. А это, это этого сын, видите? В казацкой форме. Отец хороший у меня был, очень хороший. Кого это, отца-то хочешь?

[Можно сфотографировать? Такие старинные фотографии. – Собир.]

– Отец мой, отец, видишь, какой был высокий, стройный, а это брат его. Служил он в Омске, в Томске, в Красноярске, в Енисейске, их перебрасывали. Вот так шта.

У меня примерно отец, дак он охотник был, на рыбалку-то как-то не очень, а охотник-то был, охотник. Зимой и летом добывал. Это уж к Троице, ведь она летом, ведь она вот...была, ага. Он поедет и всех соседей, тому кусок, тому

кусок. Сохат наш ведь, сохатый какой! Стягну одно так тошно только. Все соседи были сыты, они и уважали его.

– Степанушка, дак скоро поедешь? Мясa-то у нас уж нету.

– Поеду, поеду, так снова вас всех угошшу.

Хороший дедушка был у меня, отец. А мама така была, как, ну колхозница тоже. Вот такие дядя.

[Как воспитывали вас? Много вас было детей в семье? – Собр.]

– В семье-то у нас значит я, Миша, еще же одна... четыре человека. У мамы четверо было. Мы-то вот живые эти четверо, а двое-то померли уж давно это, первые-то. А четвёро-то мы живые. Нет, один третий умер у нас. Мы сейчас двое живые-то только, с братом. Брат в Пинчуге живёт и я. А те тоже померли, вот. Мы работали, мы не гуляли, работали. Родители хорошие у меня были, чё. Вот так што. Дедушка, он казак был, лошадь держал, ему разрешали лошадь держать. Он на лошадей с казакoм ... на лошаде, дали ему лошадь, вот. Коров держали, овечки, ну всё хозяйство своё было, вот.

А внучка-то приезжат всегда ко мне, с ребятишечкам. Внучка хорошая у меня, дай Бог здоровья, пускай живёт. Девочка в третий класс пошла, отличница, хорошо учится. А тому четвёртый годок, подойдёт вот так меня: «Баба люблю!» Я говорю: «И чё это?» – «Баба люблю». Ага. Пенсию получаю - имя отдаю, не всю, конечно, но даю им. Ребятишечкам-то надо то, да другое взять. Вот так што. Живу одна, ребята. Племянница приезжат, с это с Артюгино и мне <порядок > наводит – повешала всё, чё сама не могу, не в состоянии всё это бялить – не бялила. Она всё этим ... пылясосом. Не буду ничё, говорит, бялить. Ну дело твоё, ты как хотиш. Живу одна, да Юльку буду заказывать, чтобы Юлька приехала, с ребятишкам пожила (Бг.: Богучаны, 2017).

А3.2 Текст № 2

Информант: Мутовин Валентин Афанасьевич, родился в 1930 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на.

Собиратель: Е.С. Смирнов

[Вы были женаты? – Собир.].

– Да, 63 года женаты.

[Расскажите, как Вы познакомились с женой? – Собир.].

– А в это, организовалась сплавная контора. Хлеб, когда, если колхоз собирал, а потом на илимках его увозили по Ангаре. Вот она у меня работала, этим, на илимке шкипером звали. Принимала хлеб. Вот мы, она тут приехала, вот мы тут, здесь и познакомились.

[Как свадьбу сыграли? – Собир.].

– А свадьбы не было. Расписались-то мы позже, когда сын родился уже.

[Как Вы воспитывали своих детей? – Собир.].

– Да я в воспитании шибко не принимал участие. Всё время на поле был. Рано уйду – он спит. Вечером приду – он тоже уже спит. Только в выходные с ним позанимался.

[А как жена воспитывала детей? – Собир.].

– Она как могла. Вот 15 соток огорода, это всё одна. Посадит и одна выкапывает. Всё обрабатывала одна. Работяшша была у меня она.

[Как, по-вашему, нужно воспитывать детей? – Собир.].

– А как, чтобы были сыты, одеты, и слушались.

[А что нужно делать, чтобы дети слушались? – Собир.].

– Подзатыльников. Ведь это необходимость.

[Как Вас воспитывали? – Собир.].

– А меня отец один раз полупил. Обоих с сестрой. В школу надо было идти, а мы всё, это, соримся с сестрой-то. А он смотрел, смотрел, берёт ремень – меня раза два-три хлестанул, потом на сестру перешёл. Вот, и пошли, заплакали.

[Вас воспитывали, чтобы Вы были трудолюбивым человеком? – Собир.].

– Ну, конечно. Без этого никак. Не хулиганили, не воровали там (Бг.: Пинчуга, 2017).

А3.3 Текст № 3

Информант: Журавлёва Евгения Ивановна, родилась в 1946 г. в с. Липовка Рязанской области, в н. вр. проживает в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края.

Собиратель: Васильев В.К.; студентка ИФиЯК СФУ Дилдорова М.

Ну, ремнём, я считаю, что это не воспитание, ремнём. Всё равно надо как-то разговаривать, надо убеждать, надо пример показывать там. Я считаю, что так надо. Ну, что это? Я, например, воспитывалась: отец у нас был суровый очень, мне приходилось даже из дому уходить, очень суровый был, строгий до ужаса. Он приходил с работы, пойдёт, значит... Всё у нас блестело, намыли, всё чистили. Он придёт, платочек возьмёт и что-нибудь вытрет. Вот там пыльно, значит, нас наказывают, ремнём бил. И, значит... Ну, в угол он нас никогда не ставил, но ремнём бил, кричал. Мама убежала... Я всегда старшая в семье была, я заступалась всегда за маму, ну, мне доставалось побольше всех, вот. Умер давно, в 69 году. Ну, может... Я не считаю, что он такой был, может, это война его сделала, кто его знает... Ведь психика у всех нарушена была (Бг.: Пинчуга, 2017).

А3.4 Текст № 4

Информант: Брюханова Евдокия Иннокентьевна, род. в 1940 г. в д. Гусевка* Кежемского района, в н. вр. проживает в п. Недокура Кежемского района.

Собиратель: Е.С. Смирнов

В детстве нас как воспитывали... Воспитывали хорошо! Но отец у нас очень строгий был. Попробуй-ка привяжи вот, к воротам своего жениха, он тя сразу выгонит! Или назавтре сядим, за стол, он ложкой меня уже по лбу ударит, раньше ложки-то были деревянные. Он ложкой ударит, что я стояла... Ну, я была уже взрослая, мне тогда уж можно было. Ну, мы потом его бояться стали. Не стали этого делать... Стали как-то стороной. Успявали, когда он пьяный был. Выпьют они там, они же праздники раньше гуляли. Это сейчас так,

походя погуляют, а раньше так не гуляли. Гуляли компаниями! Вот сёдни примерно в одной квартире, завтра в другой, послезавтра в третьей, пока праздник идёт, а потом опять кончается – ко вторым там... По очереди, короче говоря, вот так. А мама у нас хорошая была. Она нас ничего не ругала, но не распускали нас родители. Жили мы... Ни одна у нас не принясла, и ни тот, и ни другой. Брат в школе жанился, и эти все жанилися, но они поумерли все. Брат уже давно ляжит, уже двадцать два года, уже ляжит... Эти сёстры тоже уже давно ляжат, всё поумерли. А вот в каком году, я даже не знаю в каком году умерли, не могу сказать даже (Кеж.: Недокура, 2018).

А3.5 Текст № 5

Информант: Колпаков Олег Анатольевич, род. в 1954 г. в д. Яркино;

Собиратель: Фельде О.В.

- А у ваш отец, он же охотником был классным? [– Собир.]

К.О.А.: Да, охотник, рыбак.

- А характер у него какой был? Как таких детей воспитал трудолюбивых, как вы? [– Собир.]

К.О.А.: Ну по-моему тут не только воспитать, она сама жизнь такая была, что без работы никуда. Вот сейчас, вот честно вам говорю, бить ребятишек нельзя. Мы в детстве все были поОкасть, если балуешься, то поОкасть.

ПоОкасть? [– Собир.]

К.О.А.: ПоОкасть. Бывает, до того натворим: со старшего начинают до младшего, и всяк никакой обиды, наоборот, благодарность, что лупил. Заслуживали, ещё, наоборот, говорили: "Мало лупил, мало".

- Чем липул - верёвками или возжами? [– Собир.]

К.О.А.: А всяко, чего попадёт.

- А мама? [– Собир.]

К.О.А.: А мама в спальню уходит и плачет сидит. У нас такой привычки не было, чтоб мать заступалась. Это отец нас только, зато один наказывает, один.

- Она добрая, наверное у вас была? [– Собир.]

К.О.А.: То как дОбра, конечно, дОбра, мать всё время жалко детей (Кеж.: Яркино, 2018).

А3.6 Текст № 6

Информант: Колпаков Олег Анатольевич, род. в 1954 г. в д. Яркино

Собиратель: Фельде О.В.

- А вот Ефим вчера сказал, что он верующий человек, он сказал, что жена всё-таки должна быть за мужем. Её слово должно быть НЕ главным. [– Собир.]

- Мы тоже так воспитаны. У нас отец, мать, хотя он не прав, он сказал, мать делает всегда, как отец. По Библии оно так и делается, за мужем. Муж у нас во всей деревне: муж - глава семьи. Правильно сказал, часто молодёжь уже не так... Так а раньше муж - глава семьи, хоть правильно, хоть не правильно он сказал жене, всё она должна исполнить.

- То есть она это естественно принимала? [– Собир.]

- Она естественно, да, воспринимала.

- Тогда и мужики должны быть ответственны. [– Собир.]

- Так вот именно. У нас отец, если был трудолюбивым, ну она была как за каменной стеной за ним. Она знала: нас 7 человек в семье было, ну мы всегда и одевались хорошо. Он даже в Москву ездил за одеждой, привезёт там костюмы, всё. Ну обычно как: костюмы к школе, я во второй класс, всё купили тебе, ты год его <носишь>. Пришел со школы, ты его... как это уже уважение, всё повесил, другую одежду надеешь, чтобы не замарать там ничё.

А сейчас... то не хочу, это не хочу, то покупай, это покупай. Про Ефима расскажу. Ефим он, как тебе сказать, он ну не сказать, что неряха, но он мог со школы прийти - на коня тут. Я всегда костюмчик, ну, бережно как-то носился, я ...даже год прошёл - у меня костюм, как новый. Ему в год 2-3 покупали, потому что у него не было бережности, ну видно тоже характер какой-то. Я со школы приду, мать всё время: "Ну ты, Алик, разделся, передел ты всё". То в сугроб залез, пришёл. У меня как-то уже уважение к родителям было, что родители трудятся там. (Кеж.: Яркино, 2018)

А3.7 Текст № 7

Информант: Колпаков Олег Анатольевич, род. в 1954 г. в д. Яркино

Собиратель: Фельде О.В.

- А вот Ефим вчера сказал, что он верующий человек, он сказал, что жена всё-таки должна быть за мужем. Её слово должно быть НЕ главным. [– Собир.]

- Мы тоже так воспитаны. У нас отец, мать, хотя он не прав, он сказал, мать делает всегда, как отец. По Библии оно так и делается, за мужем. Муж у нас во всей деревне: муж - глава семьи. Правильно сказал, часто молодёжь уже не так... Так а раньше муж - глава семьи, хоть правильно, хоть не правильно он сказал жене, всё она должна исполнить.

А4 Рассказы о матери

А4.1 Текст № 1

Информант: Шабанова Анна Александровна, род. в 1931 г. в д. Яркино Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны

Собиратель: Е.С. Смирнов

[– А как Вас воспитывали? – Собир.]

– Мама у нас така была работающая, и в колхозе отработат день, а ночь идёт в ясли, там полы моет, и стирала. А стирала, речки же не было там в Мунтуле, болото большое было, там большая львина така вот, её выкапывали, чтоб глубже была, вроде бы как колодец не колодец. Она вот там постират, это, сельское всё там и туда идёт. Это всё зимой полошет, всё. У нас речки не было, колодцы были. Вот придёшь к колодцу, ещё очередь, да, а как. Раньше же поливали с ведёрка, натаскашь в бочки деревянные, на коромысле, два ведра, так дешо третье в руках несёшь, выкачивашь. Жисть-то кака была, ничего, так сказать, но дружно жили, вот, что вот этим вот хорошо, что жили дружно (Бг.: Богучаны, 2017).

А4.2 Текст № 2

Информант: Брюханов Михаил Александрович, родился в 1927 г. в д. Климино Кежемского р-на, в н. вр. проживает в п. Невонка Богучанского р-на.

Собиратель: О.В. Фельде

Мать всё трудилась, рожала нас. У нас было два брата, потом ещё я, помню зыбочку, качалки-то эти, значит, качалки-то были, ну, такая... Берёзовую жёрдушку срубят, берёзовую, наверное, в потолке там прикрепят её, и вот она качает, амортизирует эта качалка. И вот этот Вася родился, он чё-то пожил маленько и помер. А потом уже перед войной мать осталась с шестью месяцами беременности, отца забрали. Сестрёнка родилась с пороком сердца. Ну, пожила она немного, ну, пожила она... лет до пятидесяти, наверное. Вот там её сын работает в Красноярске, хирургом, в этой, в детской хирургии, ну, в главной хирургии он там работает, Пустовойтов, по отцу у него фамилия.

Мать со скотом, там же надо было свой скот держать. Корову-то обязательно держали, потом ещё работала она на лесозаводе там. Там у нас в этом Ленпосёлке хотели сделать ферму большую. Я помню, эта ферма была, эта ферма была. Построили там всё, ферму голов на сто, наверное. Мы там шалили, бегали пацанами. Молоко... сепаратора не было. Молоко, значит, принесут ей доярки, и вот она этими чашечками маленькими морозила зимой, а потом увозили в Климино, размораживали, процеживали.

Ну, вот детство какое у нас было. В Ленпосёлке мы только, считай, хулиганили. Мы ещё такие были хулиганить любили. Там же как было: посёлок стоял и, как говорится, ниже порог был и выше порог, и вот мы по этим камням босиком ходили, всегда босиком. У нас ноги вот были чёрные все, исколотые, и по камням, камни бросали, щук там бьёшь вроде, по бояркам, боярку ели. Возьмёшь боярку, комок намнёшь, ходишь и ешь. То черёмухой, то вот отец пашет, саранки (Бг: Невонка, 2014).

А4.3 Текст № 3

Информант: Скурихина (Бурнашова) Лидия Николаевна, род. в 1927 г. в г. Тайшет Иркутской области, в н. вр. проживает в п. Артюгино Богучанского района.

Собиратель: О.В. Фельде

[– Тяжело было вашей маме во время войны? – Собир.].

– Конечно, тяжело было. Ну, корову держали, свиней держали, картошку садили. Как-то она нас всё равно всех вырастила, всех вырастила. Вино не пью, не курю. Ну, когда молодая совсем были, собирались же всёравно же, какой-то праздник там, туда-сюда или ещё. Ну, там может по сто, по чуть-чуть. А сейчас, как стала постарше, никогда даже. А вот штобы это, как вот щас, посмотришь, идёт бабка и это, думаю: «Как дала бы ей по морде!».

Ну, что... Ну, тяжело было. Хлеб давали пайку сразу, знаете, что такое пайка? А потом прибавлять, прибавлять побольше. А когда много сделаешь кубометров, уже там, ну, грамм сто там, двести добавят. Ну, ничё не пропалили. Я не обижаюсь на эту...

[– Чем ваши братья, сёстры занимались? – Собир.].

– У меня сестры были, у нас только сводный брат был Витя. А то нас было четыре сестры. Ну, тут тоже вот, ну, я, Надя, это... Мы работали, а Мария была, Зиночка была, те были маленькие, ну, в садик ходили. Дома-то оставлять как? Мать работала же. Чем они, ну, когда побольше стали, тоже стали также в колхозе, хлеб пололи, картошку, или там свиней. Там свиней-то там держали много в колхозе-то, много-много. Ну, там свеклу, ну, ходили, пололи, вырывали там. Все работали. Не знали жизнь без топоров, жили. Не голодовали так. Мать всё равно то-то сварит, то-то сварит. У нас своя корова-то уже – всё поддержка, да поросеночек, хоть он не жирный, но (Бг.: Артюгино, 2014).

А4.4 Текст № 4

Информант: Шабанова Анна Александровна, род. в 1931 г. в д. Ярки Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны

Собиратель: Е.С. Смирнов

– Мама у нас така была работяшая, и в колхозе отработат день, а ночь идёт в ясли, там полы моет, и стирала. А стирала, речки же не было там в Мунтуле, болото большое было, там большая лЫвина така вот, её выкапывали, чтоб глубже была, вроде бы как колодец не колодец. Она вот там постират, это, сельское всё там и туда идёт. Это всё зимой полошет, всё. У нас речки не было, колодцы были. Вот придёшь к колодцу, ещё очередь, да, а как. Раньше же поливали с ведёрка, натаскашь в бочки деревянные, на коромысле, два ведра, так дешо третье в руках несёшь, выкачивашь. Жисть-то кака была, ничего, так сказать, но дружно жили, вот, что вот этим вот хорошо, что жили дружно.

А5 Рассказы о бабушке

А5.1 Текст № 1

Информант: Панова Мария Ильинична, род. в 1934 г. в с. Усольцево Кежемского района, в н. вр. проживает в г. Кодаинске Кежемского района

Собиратель: Е.С. Смирнов; студенты ИФиЯК СФУ И. Титенок, А. Киселёва.

А у меня баба моя, моя баба, мамина мать – сто семь лет жила! Она всё всех старше была в деревне. И вот ей девяносто лет было, и вот она ростом с меня, только худенька, вот наподобие вас, такая шустрая была. Девяносто лет было, а она всё с серпом уходила, вязала, серпом жала, вязала, ходила. Председатель приедет колхоза, он говорит, Яков Васильевич Усольцев:

– Ну-ка, Варвара Васильевна, давай, поехали урожай нады нам знать, где какой урожай убирать, какой там. Давай, поехали! <...> вот и агроном был, всё знала, всё знала! Все лекарства, все травы знала! Придёшь в амбар, жила с нами-та... Ой, отца, уже папу в армию взяли-то. Придёшь в амбар, унеси траву.

– Баба, как это так, вот это от чего?

Она рассказывает:

– Это от ушибов, это кровотечения, это от головы, это...

Все травы знала! Неграмотной была, а все травы знала. Все люди ходили к ней, всё спрашивали:

– Баба Варвара, ну-ка скажи, как лечить.

– Кто ногу ушибут – вот там трава, сил красные головки, кровохлёбка. Вот, берите и прикладывайте, она быстро сойдёт, быстро заживёт у вас.

Вот всё к ней ходили, спрашивали её. Сядут, рассказывают старинку нам, мы слушаем сидим, ой. И как-то весело было, девки работали так(Кеж.: Кординск, 2018).

A5.2 Текст № 2

Информант: Рукосуева Ольга Степановна, родилась в 1924 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на, в н. вр. проживает в пгт. Богучаны

Собиратель: Студенты СФУ Дурьнина Л., Побережных И. (под руков. О.В. Фельде)

... а внучка-то приезжат всегда ко мне, с ребятишечкам. Внучка хорошая у меня, дай Бог здоровья, пускай живёт. Девочка в третий класс пошла, отличница, хорошо учится. А тому четвёртый годок, подойдёт вот так меня: «Баба люблю!» Я говорю: «И чё это?» – «Баба люблю». Ага. Пенсию получаю - имя отдаю, не всю, конечно, но даю им. Ребятишечкам-то надо то, да другое взять. Вот так што (Бг.: Богучаны, 2017).

A5.3 Текст № 3

Информант: Заборцева Галина Александровна, родилась в 1951 г. в пгт. Богучаны Богучанского р-на.

Собиратель: Студент СФУ Дмитриева Ю. (под руков. О.В. Фельде)
У меня есть икона – Богородица. Она от бабушки досталась, бабушке уже было 96 лет, и отдала мне вот эту икону, и сказала: «Это вот от меня тебе в память, чтоб она была. На!» Она <бабушка> мне сняла её с гвоздика, она у неё в

подсветном углу висела, и мне её отдала. У неё, у бабушки, много было икон. И большие были иконы, и всякие. Она мне отдала вот эту. Отдала мне как внучке, она меня любила. А вторую икону, вторая икона Николая Чудотворца, она в таком же кладезе, она отдала младшей дочери. Почему-то мне отдала Богородицу, а ей отдала ту икону. А бабуле от матери досталось, потому что мать тоже по детям <отдала иконы>. Их было четыре сестры, бабушка и ещё три сестры. И она всем по иконам отдавала перед смертью. Вот и бабушке тоже дала (Бг.: Богучаны, 2017).

A5.4 Текст № 4

Информант: Скурихина Анна Максимовна, родилась в 1941 г. в д. Иркинеево Богучанского р-на.

Собиратель: О.В. Фельде

Мы остались, бабушка была по хозяйству дома, всё время, она и на рыбалку ходи... ездила, неводили, и дома, чтобы мы нигде не спорились, не утонули за нами приглядывала. А мама всё время на работе. Бабушка у нас была очень суровый человек. Очень суровой была, но мы благодарны тем, что мы не утонули, ничё не сожгли, без... без разрешения мы в огород не ходили:

– Баба, мы сходим в огород, морковку сорвём.

– Вырвите. Только маленьку-то вырвите, так обратно-то не запикивайте её.

А то ишо возьмем, вырвем, она маленькая – мы её обратно запикиам, как будто бы она вырастет. Вот. Огурец:

– Баба, сорвём огурец?

– Сорвите. Так маленький зародыш-то не обрывайте.

А мы думам, что мы маленький огурчик возьмем, так это... А надо уже, брат-то полноценный. <...> А когда мама стала работать на мельнице, мы к ней уходили, суббота. Я уже училась потом. Придём:

– Баба, чё делать?

– Значит, надо в стайке вычистить, воды натаскать и дров наколоть. Натаскать, это всё, всё это надо. Домашнюю работу бабушке помочь сделать (Бг.: Иркинеево, 2017).

А6 Рассказы о детях

А6.1 Текст № 1

Информант: Шабанова Анна Александровна, род. в 1931 г. в д. Ярки Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны; **Информант 2:** Безруких Светлана Петровна, род. в 1953 г. в д. Мунтуль Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны.

Собиратель: Е.С. Смирнов

Вот у меня, допустим, сын, он в Бога не верует. А он какой? Он не злой, он очень хороший, очень добрый, он ласковый. Всегда придёт ко мне, обнимет и поцалует. Он не вредный, он хороший человек (Бг.: Богучаны, 2017).

А6.2 Текст № 2

Информант: Шабурова (Станина) Екатерина Алексеевна, род. в 1934 г. в п. Тёплая Речка Алтайского края, в н. вр. проживает в п. Таёжный Богучанского района.

Собиратель: Е.С. Смирнов

[– Как нужно воспитывать детей, чтобы они выросли хорошими людьми? – Собир.].

– Не знаю, я не обижаюсь на своих детей. Они все по десять классов у меня кончили. Даже в школу никогда не вызвали, что они плохо себя вели. Не курили, не пили. Два сына у меня. Один тут, 60 лет ему исполнилось, трое детей, три внука уже тоже. В школу, когда ходил, понятия не имела, чтобы он где-то закурил. Восемь классов кончил, хотел уйти на работу. Я ни разу понятия не имела, чтобы за детей меня ругали.

А7 Рассказы о детях (воспитании детей)

А7.1 Текст № 1

Информант: Костров Алексей Аркадьевич, род в 1967 г. в п. Пинчуга Богучанского района

Собиратель: Е.С. Смирнов

[– Скажите, как вас воспитывали? - Собир.].

– Ну, как воспитали, как... Некогда им было воспитывать нас, работали, сами. Вот щас вот у меня, возьми, внучок: ни поднимешь, ни оденешь - он в школу не соберётся. А мы вставали сами. Мать уйдёт в семь на работу, сами вставали, учились. Я учился хорошо к примеру.

[– Какое у Вас образование? - Собир.].

– Среднее, я не пошёл... Всё водители, водители мы обои с братом всю жизнь, тот уже тоже это... сколько... 36, я 33. Всё рулим мы. А так никто, не было такого как бы вот щас... Щас они как-то, у меня уже в то время было своё ружьё. Дедушка мне пилил приклад и там всё вот это. Ну, а щас ему чё, дашь что ли в 10 лет ружьё? Они друг дружку перестреляют все.

[– Как надо воспитывать, чтобы был толк? - Собир.].

– Да чёрт знает! Вроде его воспитываешь, воспитываешь, а бесполезно. Никто не понимает, молодёжь щас не понимает... Не понимает ничё (Бг.: Пинчуга, 2017).

А7. 2 Текст № 2

Информант: Шабанова Анна Александровна, род. в 1931 г. в д. Ярки Богучанского района, в н. вр. проживает в с. Богучаны

Собиратель: Е.С. Смирнов

[– Как Вы своих детей воспитывали? – Собир.].

– Ну, как детей воспитывала... Работать надо было, закрывала их на замок, и у меня замков-то раньше не было, квартиры раньше не замыкали, и вот, на палочку заткну сени, чтобы они не выползли. Другой раз придёшь, вот, Саша

был младший, он тут же и обделатся и уснёт тут, ну, а как? Яслей же не было, а работать-то надо было. А работать не будешь – трудодни не заработашь. Есть-то надо всё равно.

<...>

[– Скажите, как можно воспитать хорошего человека? – Собир.]

– Ну, как воспитать, я не знаю. Я по-своему воспитывала, всегда говорила хорошее им, что вот это делать нельзя. Вот это, Света привезла ребятёшек суда, а мы же жили в двухэтажке сначала. А у нас там рядом Шарашенко, у их такие ребята, они на домах, на дверях рисуют там это мелом всё. А я своим ребятам:

– Ребята – это нельзя делать, это нехорошо.

Я, допустим, их учила, считай, что они на моих руках, Света работала и работала. Ну, учила, что то-то нельзя делать, вот это вот, чужое брать нельзя. Бывало, летом соберутся все у бабушки там, за стол сядут и вот тот, который постарше, как чё-нибудь такое скажут, а помладше:

– Ха-ха, ха-ха!

Я ругаюсь:

– Ну, нельзя же ведь так! Он хохочет, подавится же ведь и всё.

Как-то стараешься, ну, мне кажется, любая мать старается своё дитё воспитать, чтобы добрый был. Ну, вот у нас, чё их у меня, шестеро внуков – все хорошие (Бг.: Богучаны, 2017).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
 И.В. Евсева
«___» _____ 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ В
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ**

Выпускник

П.В. Максимова

Научный руководитель

докт. филол. наук, профессор
О.В. Фельде

Красноярск 2020

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Устные рассказы о близких родственниках в лингвокультуре Северного Приангарья». Выпускная квалификационная работа представлена в объеме 91 страниц, включает в себя 29 иллюстративных текстов, а также список использованной литературы, состоящий из 70 источников.

Ключевые слова: УСТНЫЙ РАССКАЗ, ЛИНГВОКУЛЬТУРА, АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ.

Цель: выявление особенностей оценочного слоя концептов, именами которых служат близкие родственники ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супруги ("жена" и "муж") в ангарской лингвокультуре, отраженных в устных рассказах о близких родственниках.

Задачи: 1) сформировать корпус региональных текстов, содержащих оценочные высказывания о близких родственниках; 2) раскрыть понятия лингвокультуры и ценностной картины мира; 3) охарактеризовать аксиологические средства языка и текста; 4) проанализировать оценочные средства языка в высказываниях ангарцев о близких родственниках ("мать", "бабушка", "отец", "дедушка", "дети") и супругах ("жена" и "муж"), 5) выявить типы оценок в высказываниях ангарцев о близких родственниках.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современной лингвистической науке четко обозначилась тенденция исследования языка и текста, языка и оценки. В связи с этим необходимо изучать аксиологические слои лингвокультурных концептов, поскольку это дает полное представление не только о ценностных доминантах лингвокультуры, но и об арсенале оценочных средств языка. При этом важно расширить круг лингвистических источников за счет привлечения устных высказываний, записанных в условиях экспедиций от носителей народных говоров и региолектов. Актуальность темы обусловлена также необходимостью изучать лингвокультурную специфику особенностей региональной сибирской лингвокультуры.

Основные выводы и результаты исследования:

1. Рассматриваемые тексты отражают оценочные слои рассматриваемых концептов. Оценка в исследуемых текстах выражается на различных языковых уровнях.
2. Морфологические средства представляют собой значительный по составу набор языковых единиц, выражающих оценочные слои рассмотренных концептов. При этом оценка эксплицируется оценочными прилагательными в сравнительной и превосходной степени, междометиями.
3. Оценка в рассказах о детях выражается на всех языковых уровнях: лексическом, словообразовательном и синтаксическом, при этом средства оценки в текстах встречаются чаще, чем в рассказах о других кровных родственниках.
4. К типичным лексическим средствам выражения оценки относятся коннотативы (труженик, чистоплюйка, работяга, рукодельница и др.). Особую роль играют фразеологические единицы для выражения положительной оценки «золотые руки», «добрейшей души человек», «как за каменной стеной».
5. В рассмотренных текстах о близких родственниках даются разные типы оценок: общеоценочные (хороший / хорошая); телеологические (молёный, судьбой данный); нормативные (трудолюбивый, хозяйственный); этические (добрый, добрейшей души человек); интеллектуальные («всё знала», разумная); эстетические (красивый, высокий); психологические (суровый, строгий).

Перспективы дальнейшего исследования: Перспективой дальнейшего исследования является расширение эмпирической базы исследования, которая позволит проанализировать тексты о близких родственниках с коммуникативно-прагматических позиций, рассмотреть тактики и стратегии оценивания. Важным представляется и нарративный анализ подобных рассказов.

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

д-ра филол.наук, проф. Фельде О.В.

на выпускную квалификационную работу студента

направления 45.03.01 Филология, ИФиЯК, СФУ

Максимовой Полины Викторовны

на тему «Устные рассказы о близких родственниках в лингвокультуре

Северного Приангарья»

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		высокий	средний	низкий	не представлен
1.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям		+		
2.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования		+		
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения		+		
4.	Количество языкового материала и качество его анализа / качество анализа литературного материала		+		
5.	Глубина раскрытия темы		+		
6.	Степень оригинальности работы (отсутствие неправомερных заимствований)	+			
7.	Ответственность в отношении к работе		+		
8.	Соблюдение графика выполнения ВКР			+	
9.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок		+		
10.	Оформление текста и библиографии				

Комментарии научного руководителя

Бакалаврское исследование П.В.Максимовой выполнено на уникальном эмпирическом материале, записанном студенткой в Богучанском районе Красноярского края, а также извлеченном путем тщательного отбора из электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья. Уже сам факт систематизации и вовлечения в научный оборот этих данных заслуживает внимания и одобрения. Устные рассказы старожилов Северного Приангарья рассмотрены студенткой с применением антропоцентрического и междисциплинарного подходов, что свидетельствует о включенности проведенного исследования в круг актуальных исследований. Студентке удалось доказать, что устные тексты о близких родственниках являются важным средством трансляции региональной лингвокультуры; в них используется богатый арсенал языковых и стилистических средств, вербализующих ценностные доминанты локального лингвокультурного сообщества. К большому сожалению, по ряду причин Максимова П.В. поздно приступила к основной части своей работы. Недостаток времени не позволил ей углубиться в некоторые проблемы лингвистической аксиологии, это негативно отразилось на некоторых фрагментах анализа эмпирического материала. В бакалаврской работе встречаются некоторые неудачные формулировки и опечатки. В целом эти недочеты не снижают практической значимости проведенного исследования. На последнем этапе работы студентка продемонстрировала очень высокую степень

самостоятельности, умение собраться, организовать свою работу таким образом, чтобы завершить исследование.

Проверка текста бакалаврской работы на сервисе «Антиплагиат» показала, что процент оригинальности проведенного исследования полностью соответствует установленным требованиям (71,82 %).

Итоговая оценка научного руководителя

хорошо

Д-р филол.наук, проф. Фельде О.В.

